

РИА Новости

ПОНЕДЕЛЬНИК

ЧЕТВЕРГ

НОВАЯ газета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

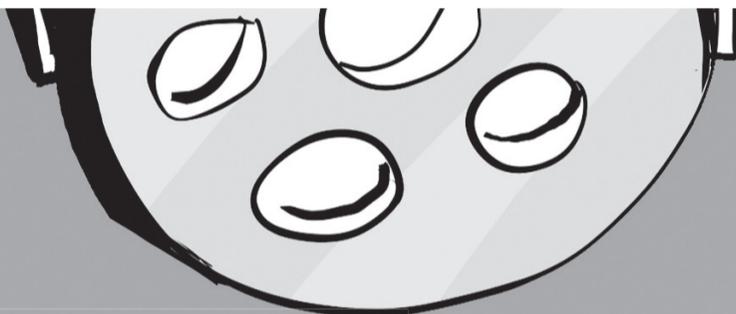
№ 80 (2260) 23.10.2014 г.

Леонид ПЕЧАТНИКОВ:

«Мы жалеем врачей, но давайте пожалеем и пациентов»

О чем рассказал
нашим корреспондентам
заместитель мэра Москвы,
отвечающий за реформу
здравоохранения

СТРАНИЦЫ 2-3

САРУХАНОВ

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

Минометная война и междоусобная войнушка

Специальный репортаж Юлии ПОЛУХИНОЙ из зоны конфликта

Что происходит
по обе стороны
«ЛИНИИ
соприкосновения»

СТРАНИЦЫ 5, 6

Дмитрий МУРАТОВ: Давайте начнем со слухов, которые переполнили Москву...

Леонид ПЕЧАТНИКОВ: А давайте я начну с другого!

У моей мамы, которой 88 лет, в пятницу случился инфаркт миокарда. Ее на скорой привезли в обычную московскую скоруюпомощную больницу № 23. Не в 4-е управление, не в федеральный кардиоцентр. В обычную городскую больницу. Я узнал об этом, когда ей уже была проведена коронарография и в очень сложном месте установлен стент. Если бы это случилось с мамой три года назад, я бы сегодня не разговаривал с вами, а был бы совсем в другом месте.

За три года смертность от инфаркта миокарда в Москве снизилась почти в три раза: была 22%, а сегодня немногим больше 8%. В Европе — 6%, мы еще не дотягиваем.

Младенческая смертность в Москве — 6,1%, ниже того показателя, который был при прежних критериях живорождения (с 2012 года живыми считаются 500-граммовые младенцы, до этого — с массой тела выше одного килограмма).

У нас в Москве смертность от туберкулеза не только самая низкая в России, но за три года она еще уменьшилась в два раза.

Объективная статистика, которую невозможно подтасовать.

Это произошло за счет модернизации, которую мы провели за три года. Мы потратили только на оснащение столичной медицины оборудованием 45 млрд рублей, по тем ценам это было больше 1 млрд евро. Причем оборудования купили в два раза больше, чем нам предписывалось купить, — обрушили цены по всей России.

Но стали говорить: мол, накопили железа, а работать на нем некому. В этом есть доля истины, но рассчитывали, что врачи начнут повышать квалификацию и будут соответствовать той технике.

Мы провели экспертизу. Выяснили, что за счет того, что поликлиники оснащены новейшим оборудованием, пациентов перестали госпитализировать для диагностики. Это стало возможно делать амбулаторно. А ведь еще совсем недавно в поликлинику ходить было незачем — только за больничным и за направлением на госпитализацию.

Больше там ничего просто не могли сделать. Сейчас в каждом амбулаторном объединении есть и КТ, и МРТ, и УЗИ экспертного класса, великолепные лаборатории. Потребность в госпитализации для диагностики отпала.

Койки стали высвобождаться.

Во всех хирургических отделениях появились лапароскопы. Появились даже четыре медицинских робота. Операции делают, не вскрывая брюшную полость. Аппендицит — это уже не 10 дней пребывания в больнице, как раньше. Если без осложнений, можно выписывать уже на следующий день или через день. На одной койке можно за 10 дней пролечить не одного, а от трех до пяти пациентов.

И здесь высвобождение коек.

Но главный врач не может терпеть пустые койки. Экспертиза выявила, что начинается сговор между главным врачом, поликлиникой, страховой компанией, скорой помощью: везите хоть кого-нибудь, мы ему диагноз усилим. Страховая оплатит.

Но ведь так мы разоримся.

Но важно и другое — чтобы не было препятствий для своевременной госпитализации. В Москве главный критерий, по которому страховая штрафует поликлинику, — несвоевременная госпитализация.

Если человек ходил в поликлинику и жаловался на боли за грудиной, а его вместо того чтобы провести коронарографию и отправить на стентирование (тем самым не допустить инфаркта), лечили таблетками, это явная несвоевременная госпитализация. В этом случае поликлинику не просто штрафуют, а она еще выплачивает больнице все те расхо-

Леонид ПЕЧАТНИКОВ:

«Мы жалеем врачей, но давайте пожалеем и пациентов»

Все давно усвоили, что на языке чиновников оптимизация — это сокращение, но заммэра Москвы, сам врач по специальности, объясняет, в чем разница

В Москве разразился скандал вокруг закрывающихся больниц. Поводом для этого всплеска эмоций стала утечка документа из базы данных мэрии. «План-график реализации структурных преобразований сети медицинских организаций государственной системы здравоохранения

Москвы в части высвобождения имущества» вызвал взрыв в СМИ. «Новая» тоже сообщила об этих планах. Однако мы решили получить объяснения и из первых уст. Поэтому Дмитрий МУРАТОВ и Людмила РЫБИНА встретились с заместителем мэра города Леонидом ПЕЧАТНИКОВЫМ.

ды, которые потребовались для лечения упущенного случая.

А больницу штрафуют за неоправданную госпитализацию. Это когда скорая помощь за «500 рублей в карман» привозит лежать в терапию на пару недель бабушку, пока ее родственники отдыхают в Таиланде.

Койки в больницах сейчас используются не всегда рационально. В страховой медицине, в системе ОМС останутся только интенсивные койки — в стационаре нужно лечить только острые состояния и обострение хронических заболеваний. Мы вынуждены идти по тому пути, по которому идет весь мир. В этой новой системе самыми передовыми стали крупные многопрофильные больницы. Их около 35 в городе. Примерно по 1000 коек каждая. Несмотря на то что тарифы ОМС, конечно, недостаточны и средств всегда не хватает, при быстром обороте коек, когда диагностика проводится на добольничном этапе, а реабилитация после госпитализации — на дому, под присмотром участкового терапевта, эти большие больницы начали нормально выживать и обеспечивать нормальную зарплату для врачей. Даже в условиях нашей эрзац-страховой медицины.

Людмила Рыбина: Но Москва — старый по возрасту жителей город. Пожилые люди просто не смогут самостоятельно пройти все этапы добольничной диагностики.

— Для таких людей мы создали в поликлиниках стационар одного дня. Приехав туда утром, можно пройти этот диагностический добольничный этап.

Л. Р.: На деле пока не так. Для того чтобы пройти обследование, надо побывать в нескольких зданиях объединенной поликлиники: в одном месте КТ (компьютерная томография), в другом — анализы, в третьем — узкий специалист. Идея понятна, но до ее реализации еще не близко, а стационары закрываются уже сейчас.

— У нас одноканальное финансирование. Москва всегда добавляла медицине из своего городского бюджета, но сегодня это противоречит закону.

Многие из тех больниц, про которые сейчас кричат, что они закрываются, будут репрофилированы в социальные. Действительно, есть много пожилых,

которым нужен сестринский и врачебный уход. Эти учреждения мы сможем финансировать из бюджета департамента соцзащиты, и никакая Счетная палата нам не скажет, что мы нарушаем закон. Там должны быть и платные места. Если родственники собрались в отпуск, не надо стараться положить старушку в больницу за деньги. Можно поместить родного человека в такой социальный стационар и доплатить за это.

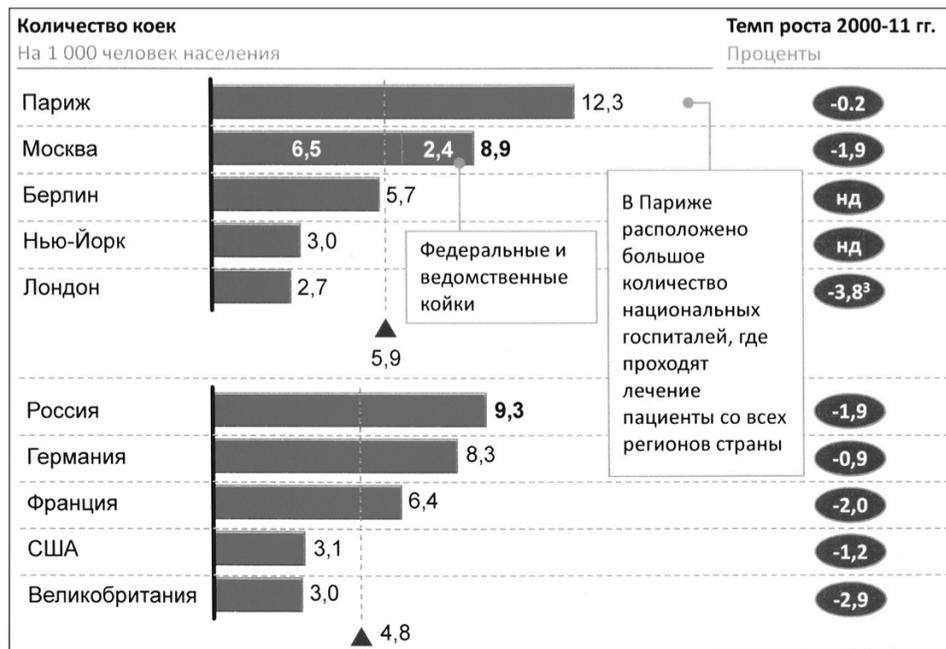
На весь Сеул с десятиллионным населением всего 25 тысяч коек. А мы только интенсивных коек собираемся оставить не менее 35 тысяч. Не считая коек в инфекционных, туберкулезных, психиатрических и социальных больницах, которые будут за рамками ОМС.

Есть еще один важный аспект оптимизации. У нас было немало специализированных больниц: глазные, гинекологические. Но в гинекологической больнице даже нет лицензии на общую хирургию, там не имеют права, например, оперировать аппендицит, вызывают из другой больницы бригаду хирургов. Или в глазной больнице: молодой человек ложится на операцию по поводу ката-

ракты, а у него случается инфаркт. Врачи вызывают скорую, везут в кардиологию. Монопрофильные больницы не могут сегодня существовать. И это в интересах пациентов, а не врачей. Но врачам, привыкшим к своим клиникам, это не нравится.

Я был готов к тому, что будет трудный переходный период. Но кто-то же должен привести здравоохранение Москвы в современное состояние? Сложилось так, что заместителем мэра стал врач с более чем 30-летним стажем. Врач практический. Если бы не эта ситуация, начальнику департамента здравоохранения одному со своей стороны сложно что-то изменить, даже если бы он хотел перемен: его начальник — вице-мэр — ему будет объективно препятствовать, опасаясь возмущения врачей и пациентов.

А вообще-то это надо было сделать давно. Сейчас, когда городское здравоохранение переоснащено, это делать просто необходимо. Но это как промышленная революция, о которой писал Маркс. Если идет промышленная революция в швейном производстве, то возникает восстание ткачей. Здесь тоже

Количество коек в Москве превышает этот показатель для большинства сравниваемых мегаполисов

РИА НОВОСТИ

будет непросто. Но я разве выгоняю врачей на улицы?

Л. Р.: А разве не выгоняете? Им предлагают, например, должности санитаров.

— По закону им должны предложить вакантные должности, которые есть в учреждении. Этим должностям, действительно, немного. Но затем они должны прийти в департамент здравоохранения, и уж тут им могут предложить массу вакансий. В поликлиниках не хватает 5300 участковых врачей, 7515 педиатров. Но врачи из стационаров часто не хотят переезжать. Мы им предлагаем обучение не только дома, по 40 человек каждый месяц отправляем за границу.

Мы жалеем врачей. Но давайте пожалеем пациентов. Уровень медобразования в стране ниже плинтуса. Можно покупать зачеты, экзамены, дипломы.

На каждое врачебное место в Москве должна быть очередь. Конкурс очень квалифицированных врачей.

При советской власти был один критерий оценки здравоохранения — количество врачей и количество коек на душу населения. Гордиться больше было нечем. Ожидаемая продолжительность жизни самая низкая. Оснащенность — тоже. Смертность — самая высокая. Но этого не опубликуешь в материалах съезда партии. Здравоохранение развивалось экстенсивно. Наплели огромное количество малопрофессиональных врачей. Сами жалуемся на них. Сами говорим про поборы. Не то что операцию — клизму без денег не получишь. И сами при этом переживаем о том, что будут делать врачи, которых увольняют.

Д. М.: Я сегодня посмотрел список вакансий департамента здравоохранения. Там зарплата врача 19 600 рублей...

— Это оклад. Давайте посмотрим реальность. Зайдите в Боткинскую, зайдите в 1-ю Градскую, в 36-ю — в такие многопрофильные больницы. Хирурги получают иногда 200 тысяч. Но надо же работать для этого.

Д. М.: Леонид Михайлович, вы помните, Анатолий Аграновский однажды заметил, что полезных слухов не бывает, поскольку слухи вредны всякие. Бумага, где предполагается сокращение людей, койко-мест, закрытие больниц, обрывает всякими допущениями, связанными с

нашим печальным опытом. Но говорят, что закрываются именно больницы, которые находятся в удобных и удачных для девелопмента местах Москвы. Вы изложили очень здравую, в чем-то очень тяжелую, с точки зрения человеческого капитала, концепцию. Скажите все-таки: эта нашумевшая бумага — проект или уже рабочий документ? И к каким контрольным цифрам в результате вы должны прийти?

«Экспертиза выявила, что начинается сговор между главным врачом, поликлиникой, страховой компанией, Скорой помощью: везите хоть кого-нибудь, мы ему диагноз усилим. Страховая оплатит»

— Сначала небольшая ремарка: мы начали сокращение с управленческих структур, сократили больше тысячи человек.

А теперь о документе. Экспертные группы работали два года. Проанализировали эффективность: хирургическая активность, оборот койки и т.д. А затем предложили «дорожную карту» — что нужно сделать. В публичное пространство попал не весь документ, только его вторая часть. Если бы хакеры опубликовали все, включая анализ эффективности больниц, то было бы понятно, из чего исходит «дорожная карта». Есть еще материалы двух других групп, которые сравнивали наше здравоохранение — одна с Западной Европой, а другая — с Юго-Восточной Азией (с Токио, Сеулом, Сингапуром). Их «дорожные карты», поверьте, гораздо жестче. С точки зрения этих аналитиков, нам надо закрыть просто половину всего.

Например, мы сейчас создали 20 сосудистых центров, гордимся улучшением показателей по смертности от инфаркта миокарда. Но в Лондоне таких центров всего 8, и они обеспечивают показатели лучше, чем мы сегодня с 20. Там работают в четыре смены. Конвейер.

Так что «дорожная карта», которая попала в публичную сферу, — наиболее

мягкая, а для общественного мнения и она — слишком жесткая. И еще: люди не поняли, что мы не просто закрываем больницы, а перепрофилируем их в социальные, которые будем финансировать из бюджета. Но там не будет ни томографов, ни дорогостоящих операционных.

Теперь о девелопменте. Давайте начнем с концессии 63-й больницы. За право концессии Европейский медицинский центр (ЕМЦ) заплатил миллиард рублей в казну. Такого нет ни в одном регионе, когда за право концессии еще и деньги берут. В Петербурге и в Новосибирске готовы отдать в концессию бесплатно и еще готовы возместить расходы. В Москве — за деньги. Все, что на месте 63-й построят (а это может быть только больница!), будет принадлежать городу. ЕМЦ строит не себе! Он даже не может прокредитоваться под это, потому что он не может в залог передать то, что строит.

Еще — про девелопмент. Это очень важно. Посмотрите городскую географию, Боткинская больница, Первая Градская — расположены на очень завидных территориях. Но мы их никому не отдаем, мы ремонтируем корпуса, для того чтобы переместить туда койки из других больниц. А присоединили — 54-ю, 53-ю — совсем не самые лучшие места для девелопмента. Из центральных больниц — глазная на Тверской, 19-я на Заморенова, 11-я на улице Двинцев. Но никто же не сказал, что на улице Горького на месте глазной будет торговый центр или коммерческое жилье. На этом месте будет какой-то другой социальный объект. Но даже если какие-то из зданий или территорий больниц, которые не попадают в систему, будут использованы по-другому, то все средства, полученные от этого, будут переданы только в здравоохранение.

Д. М.: Леонид Михайлович, я хочу вернуться к общественно-публичной истории. Плохо, что эти резонирующие волны в Москве возникли из-за того, что хакеры что-то взломали и напечатали часть документа. А как получилось, что о принципиальной и чрезвычайно интересной реформе мы узнаем не от Печатникова?

— Нас опередили. Вообще-то мы реформу уже проводим: объединили поликлиники. Я много говорил, почему, чего хотим добиться. И все прошло спокойно, потому что много объясняли. А вот по реформе стационарной помощи мы до конца еще с планом не определились, не знаем пока, какую «дорожную карту» мы составим. Анализируем пока все три, делая скидку на то, что разруха у нас не в подъездах теперь, а в головах. Смотрим, во что нам это выльется не в деньгах, а в общественном сознании.

Теперь я объясню все это вдогонку. Конечно, это плохо! Ну на то и интернет, и хакеры... Жизнь стала интересней.

Но я еще раз говорю: бездельникам нет места в системе, какую бы «дорожную карту» мы ни приняли. Врач — это очень тяжелый труд, но он должен очень хорошо оплачиваться. Врач должен за свое место очень-очень держаться. А когда он понимает, что незаменим, что его все равно не выгонят, мы получаем неуважение к пациенту!

Мне сейчас пишут эсэмэски: «Удивительное дело! Врачи скорой стали такие вежливые!» Но ведь это не случайно! Мы сделали параллельную систему неотложек — восстановили советскую систему. Количество вызовов по скорой

стало падать. Стало уменьшаться количество людей, работающих на скорой. А они зарабатывают очень большие деньги и за свои места стали держаться.

Говорят: это все указы Путина, сокращаете, чтобы другим платить больше. Это отчасти только так. На самом деле, если эти указы и сыграли какую-то роль, то просто ускорили ту реформу, которую мы вынуждены проводить. Может если бы не указы, мы бы еще раскачивались и ждали, когда все это лопнет. Денег больше не становится. Их мало. Их всегда было мало. Поэтому вопрос заключается в одном: ресурсы — и материальные, и технические, и человеческие — должны быть сконцентрированы в крупных больницах города.

Д. М.: А что значит: «восстановили советскую систему неотложек? Скорая сейчас двух типов?»

— Да. Звонишь по «03», тебя спрашивают: «Что с вами?» Бабушка говорит: «Ой, сынок, что-то у меня голова заболела, температура повысилась». К ней «03» — «Мерседесы», оснащенные по последнему слову техники, которые мы закупили на всю Москву, — не приедут. Диспетчер передает вызов в участковую поликлинику, где есть выездные машины — «Рено», тоже неплохо оснащенные. Да, к ней не через 17 минут, а в течение суток приедет врач из поликлиники. Каждый вызов скорой — 5 тысяч рублей. Вызов неотложки — 1,5 тысячи. Я буду кривить душой, если скажу, что мы не подсчитываем это. Я же сам создавал коммерческую клинику. Не взял из бюджета ни копейки. Ничего не арендовали. Все — за свои деньги. Я привык считать. Но если человек позвонит и скажет: «У меня боли за грудиной» — то сразу пришлют скорую. И тут уж фельдшер приехал, снял ЭКГ, передал в диспетчерскую по телефону. Там посмотрел высокотехнологичный специалист, сказал: «Обезболить, это не сердце. С сердцем все нормально». Или: «Это срочно — госпитализация».

Раньше везли больного в ближайшую больницу, независимо от того, есть ли там специализированное отделение. Сегодня диспетчерская определяет, где свободная рентгенооперационная, больного там уже ждут. На носилки, и — в операционную. Коронаграфия, стентирование. Это то, что произошло с моей матерью. Мы об этом три года назад мечтать не могли. Со снижением смертности от сердечно-сосудистых заболеваний мы пока сливки собрали только с логистики. А недобираем в качестве помощи, потому что всех оснастили одинаково, а врачи по квалификации разные. В одной больнице все работает, а в другой... Главный кардиолог приехал с ревизией в больницу (а они ездят постоянно), оказалось, что на ультразвуковом аппарате из 10 функций активированы только две, а остальные восемь не активированы, потому что человек не умеет этим даже пользоваться.

Пока врачи говорили, что у них ничего нет, что они живут в XIX веке, все понимали. Сегодня они живут в XXI веке. И от врача потребуются учиться.

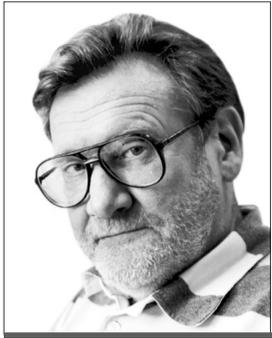
Поймите: мне, как никому другому, трудно проводить реформу. Но мне никто никогда не скажет: «Вы ничего не понимаете в медицине». Не могут. И еще, я не стремился в кресло начальника и не держусь за него.

**Людмила РЫБИНА,
Дмитрий МУРАТОВ,
«Новая»**

P.S. Уже когда разговор был закончен, мы спросили о той первой части документа, которую хакеры не добыли или почему-то не выложили: можно ли нам получить ее? Леонид Печатников предоставил «Новой» аналитические материалы, на основании которых составлялась «дорожная карта» реформы московского здравоохранения. Смотрите их на нашем сайте.

Леонид Никитинский

обозреватель «Новой»

Эта публика реагирует эмоционально, а не рационально. Совесть — также отличительная черта интеллигенции, и без эмоций в таком собрании не обойтись

Слово патриархам

Третий Конгресс интеллигенции обнаружил наличие классных аналитиков политической действительности в среде людей старшего возраста. Молодежи пока не до того

Конгресс интеллигенции — движение бывших «шестидесятников», спонтанно возникшее в марте как реакция на события в Крыму, предпринял третью попытку собрать своих сторонников — на этот раз в стенах «МУМ» — Международного университета в Москве.

Если первое такое собрание продемонстрировало, что среди интеллигенции велика доля скептиков, не поддавшихся восторгу «крымнашизма», то вторая (летняя) попытка запомнилась разве что акцией провластной молодежи, разлившей в зале бутылку со зловонной жидкостью. Третье собрание в «офлайне» пока оказалось наиболее удачным — благодаря четко очерченной теме: «Россия в системе международной безопасности» и хорошо подготовленным десятиминутным докладам академика Юрия Рыжова, Сергея Караганова, Андрея Пионтковского и историка Андрея Зубова.

Полная запись выступлений будет доступна на сайте Конгресса интеллигенции, и я остановлюсь только на тех тезисах, которые привлекли мое внимание, — но могли бы показаться интересными и важными и в других аудиториях.

Международная безопасность бывает не только военной, но также (в частности) экономическая и культурная, причем они находятся во взаимозависимости (Рыжов). С точки зрения экономической безопасности главную угрозу России представляет сегодня Китай, а с точки зрения культурной — радикальный ислам, проникающий в Россию с Юга, в первую очередь через Кавказ (Пионтковский, Зубов). Сегодняшний мир вообще повышенно опасен благодаря системным кризисам, охватившим по тем или иным причинам одновременно ряд крупных регионов, в том числе Европу как конструкцию Евросоюза (Караганов).

В современной войне (что было заметно уже во Второй мировой) размываются понятия фронта и тыла, тыл может нести большие потери, чем фронт, в том числе в человеческом измерении. В нынешних условиях выгодна стратегия партизанско-диверсионной и «гибридной» войны, в результате чего сама граница между миром и войной размывается (Рыжов). Например, трудно сказать, находится ли сегодняшняя Россия в состоянии войны или мира. Нынешние мировые лидеры не имеют навыков стратегического мышления в этих беспрецедентных условиях, поэтому тактические действия Путина

оказываются наиболее адекватными (Караганов). Нет, наоборот, это действия безумца, так как России некуда уходить из Европы (она сама Европа), а в своей истории она постоянно (даже в советское время накануне и в период войны) состояла в коалиции с теми или иными странами Европы (Зубов). Идея автаркии для России утопична и может привести лишь к реализации угроз со стороны Китая и радикального ислама. Угрозой для режима Путина стал не «Запад», а конкуренция со стороны Украины, которая, если бы против нее не была развязана гибридная война, могла бы достичь успеха на западном пути развития (Пионтковский). А «вероятный противник» в лице США, Евросоюза и НАТО — это мнимый, фантомный противник.

Притом что эти и другие тезисы докладчиков могут противоречить друг другу, они, безусловно, являются экспертными суждениями. Неожиданно Конгресс интеллигенции продемонстрировал наличие таких экспертов именно в среде людей старшего возраста (от 60 и выше). Люди средней возрастной категории, из которых сегодня формируется костяк государственного управления, оказались, по-видимому, слишком заточены на бизнес, а активная молодежь еще не приобрела умения широко ставить проблемы и пока не видит ценности «интеллигентского», широкогуманитарного образа мысли.

Судя по аплодисментам, которыми молодая аудитория в «МУМ» прерывала тех докладчиков, которые лили ей бальзам на душу, эта публика реагирует эмоционально, а не рационально. Совесть — также отличительная черта интеллигенции, и без эмоций в таком собрании не обойтись, однако дирижировавший им Марк Урнов в ироничной и доброжелательной манере не допустил обсуждения в стиле «пикейных жилетов».

Конгресс принял решение на основе докладов и реплик доработать документ, содержащий альтернативное понимание безопасности и военной доктрины России, чтобы представить его гражданскому обществу и власти, если последняя захочет это услышать.

Кроме обсуждения темы безопасности Конгресс интеллигенции подписал петицию к Константину Эрнсту с требованием извиниться за известный фейк Первого канала с «мальчиком, распятым на доске объявлений в Славянске».

ДАТА

Алексей Тарасов

обозреватель «Новой»

Больной не был прикреплен к поликлинике, где работала врач. Это и стало основой уголовного дела, инициированного ФСКН в 2011 году

Оправдали доктора

Гражданское общество одержало большую победу над полицейским государством

В Октябрьском райсуде Красноярск завершился повторный судебный процесс против участкового терапевта Алевтины Хориняк, незаконно, по мнению гособвинения, выписавшей рецепт на обезболивающее безнадёжному онкобольному Виктору Сечину. В прениях прокурор потребовал признать доктора виновной и оставить в силе ранее назначенное наказание в виде 15 тыс. рублей штрафа; о вине Хориняк говорили и в ФСКН. Сторона защиты требовала полностью оправдать подсудимую. Суд оправдал Хориняк и вторую подсудимую, Лидию Табаринцеву, за отсутствием в их действиях состава преступления.

Напомню факты: в 2009 году Хориняк выписала два рецепта на трамадол своему знакомому, 57-летнему Сечину, находившемуся в терминальной стадии рака. В Красноярске с 3 апреля по 22 мая в аптеках не отпускали трамадол по льготным рецептам, последнюю таблетку Сечин проглотил 18 апреля, и Хориняк выписала платные рецепты, иначе мучающийся непереносимой болью мужчина остался бы без обезболивания на долгий срок.

Больной не был прикреплен к поликлинике, где работала врач. Это и стало основой уголовного дела, инициированного ФСКН в 2011 году; к этому моменту Сечин уже умер.

Октябрьский райсуд Красноярск в мае 2013-го вынес врачу обвинительный приговор. Исполнение судебного долга суд посчитал преступным распространением сильнодействующих веществ организованной группой. Хориняк приговорили к штрафу в 15 тыс. рублей. Такому же наказанию подвергли знакомую больного Лидию Табаринцеву, которая по его просьбе приобрела лекарство в аптеке.

После этого и развернулся сюжет — о деле заговорили повсюду, поскольку повсюду в России онкобольные умирают в мучениях, и повсюду врачам проще не связываться с обезболивающими препаратами, с наркотиками, чем отчитываться за их назначение. Дело резонировало и в мире: мощную волну протестов подняли международные организации паллиативной помощи, правозащитники.

Позже Красноярский краевой суд отменил приговор и направил дело на новое рассмотрение. Но не в связи с новизной подсудимых, а потому, что адвокатом Вячеславом Богдановым в процессе было нарушено право на защиту Табаринцевой — Богданов одновременно защищал двух женщин (что закон вообще не запрещает, если интересы подсудимых не противоречат друг другу).

И вот теперь в долгой и абсурдной истории преследования врача поставлена точка.

Алевтина Петровна сказала, что уходит на пенсию, она очень устала. С коллективом только не хочется расставаться. У нее более полувека врачебного стажа, но не возраст и болезни (она сама недавно перенесла онкооперацию) ее утомили, а это уголовное дело. Вот что доктор сказала «Новой»: «Не врачи с их рецептами, а действия силовых органов представляют угрозу национальной безопасности. Люди теряют веру. Уж насколько я была патриотом раньше... Помню, когда Хрущев назвал время, когда советский народ вступит в первую фазу коммунизма, я переживала искренне, до слез, что мне уже будет 47 лет, что буду старой и буду пользоваться всеми благами, а отдачи от меня должной уже не будет...»

Дело Хориняк, напомню, стимулировало Минздрав к принятию в прошлом году известного «антиболевого» приказа. Он, однако, не работает. Доказательство тому — трагедия контр-адмирала Вячеслава Апанасенко. Хориняк недавно написала уполномоченному по правам человека в Красноярском крае Марку Денисову: «В течение 2013–2014 годов МЗ РФ был принят ряд документов, которые регламентируют необходимость упрощения процедуры назначения и выписывания наркотических, психотропных и сильнодействующих препаратов, постоянное наличие этих препаратов и исключение случаев, препятствующих своевременному обеспечению пациентов данными препаратами. Но в связи с частыми проверками работниками Госнарконтроля медицинских организаций врачи не выписывают эти препараты больным, хотя больные остро в них нуждаются, так как врачи запуганы и не желают иметь дело с работниками Госнарконтроля».

Пока карающая длань государства будет смешивать врачей с пищей для воров за следование профессиональному долгу, медицинской этике и милосердию, никто не может быть уверен, какие ему встретятся доктора — такие как Хориняк, или как те, кто наблюдал контр-адмирала Апанасенко. Перед ними ведь стоял тот же выбор, что и перед Хориняк, и они его сделали — другой, не как Алевтина Петровна, не желая попадать в сферу внимания Госнарконтроля. И кому их в том обвинять?

В России не прецедентное право. Но сей факт не умаляет цену этой победы гражданского общества над полицейским государством. Не доктор Хориняк спасена; будут облегчены страдания многих, и врачи задыхаются реже.

Красноярск

Перемирие
по обе стороны
границы:
от минометных
обстрелов
к междоусобной
войнушке

Долгая дорога в Луганск

ЗДЕСЬ!

Перемирие между Новороссией и остальной Украиной я испытала на себе. Нужно было попасть из Одессы в Луганск, билет на поезд пришлось сдать тут же после покупки — кто-то подорвал железнодорожные пути на перегоне Славяносербск — Коммунарск Луганской области. Все терялось в догадках, чьих рук это дело. Власти Украины обвинили «террористов», сепаратисты, наоборот, обвинили «укропов». Мои знакомые одесские волонтеры — сторонники АТО (антитеррористической операции), предположили, что диверсию могли совершить и «патриоты Украины», якобы для того, чтобы в Киев и Одессу не могли проникнуть диверсионные группы, дорога-то свободная, получается. Жители Луганска, в свою очередь, предполагали, что это могла сделать луганская разведка, чтобы диверсионные группы как раз таки не проникали на территорию ЛНР, а также — чтобы украинские войска не подгоняли технику.

В итоге пришлось делать крюк: поездом до Днепропетровска, потом до Славянска в ночь на такси. Таксисты ехат туда, как правило, отказываются, так как часто лишаются автомобилей. Нашелся лишь один отчаянный, по дороге выясняется, что сам он из спецподразделения 93-й механизированной бригады украинской армии, а его кум в Донецком аэропорту держит оборону. Зовут Владимир. Он — волонтер, который активно участвует в дорожном контроле: ловят пьяных водителей, выявляют наркоточки...

Мы едем больше двух часов — дорога отвратительная, по обочинам — посеченные пулями и осколками дорожные знаки. Окрестности Славянска — Селезневка и Семеновка: видны следы боев, некоторые дома разрушены, другие более или менее целые, но явно необитаемые. В Славянске на окнах — ленты крест-накрест, следы разрушений также не редкость.

— Это же антитеррористическая операция, а значит, должны тут быть мы, воен-

ные, а не зеленые пацаны, которых мы только что видели на блокпосту, — говорит Владимир. — Наша группа в самом начале пришла в военкомат, мы сказали, что тяжелая артиллерия неприменима в условиях города, но это никому не нужно было.

«Ненавижу их всех»

В Славянске меня встречает другой таксист — Юрий: днепропетровцам дальше нельзя, иначе и вправду можно остаться без машины. Из Славянска в Луганск — двойной тариф, таксисты возят, потому что это — возможность заработать. Юрий с женой живет в Славянске, сын учится в местном институте. Рассказывает обо всем долго и подробно:

«Могут амнистию объявить и отпустить, когда подвалы переполняются. Но если кого-то серьезного ловят, например диверсионную группу, оставляют в подвале при любых раскладах»

«Все началось в апреле. Я шел на работу и вдруг увидел кучку людей в зеленой форме. Они стояли около Славянского городского совета. Отовсюду стаскивали всякий мусор, строили баррикады. Они принимали в «народное ополчение Донбасса» всех желающих, поэтому сразу побежали туда всякие бомжи. Были идейные, а были и те, кто за пайку все делал. В тяжелой ситуации тогда оказалась мэр Неля Штепа. Конечно, она их встретила, а что ей оставалось делать? Вообще-то она очень хорошая женщина, для нашего города она очень много делала. За что ее сейчас судят, она что, должна была сама себясудить? Потом появился этот народный мэр Пономарев, все знали, что он наркоман конченный, и ополченцам самим пришлось его отстранить от работы из-за

того, что он чуть не умер от передозировки. В это время он лежал в больнице, а слухи пошли, что его расстреляли. Да кому он нужен был, чтобы его стрелять?»

Тогда, в апреле, появились мародеры. Это были наши местные бомжи, переодетые в ополченческую форму. Получив оружие, они полезли в дома. И Стрелков, которого лично я никогда не видел, говорит, приказал их пострелять. Ну, расстреляли несколько человек, а потом сами пошли целенаправленно и все, что им нужно было, у нас взяли.

Мой дом — прямо у подножия горы Карачун. Сначала там были позиции «армии Донбасса», а потом их вытеснили люди из украинской армии. И нас начали с Карачуна градом поливать. Честно го-

мы стали собирать вещи, наутро уезжать — и тут сын читает новости, что ополчение покинуло Славянск. В эту ночь никто не стрелял. Утром выхожу на улицу, а там ни одного зеленого человечка. Тишина, покой... Вот тут-то и началось мародерство.

Несколько часов было между выходом ополченцев и заходом украинской армии в город. В эти часы мародерами стали все горожане, они тащили все из магазинов в свои дома, абсолютно все. Мы с сыном взяли велосипеды и впервые за все это время решились проехать по улицам города. И вдруг увидели танки украинской армии. Мы дико испугались и юркнули в один из переулков, а они ехали с украинскими флагами, махали нам руками, они ждали, что мы их будем встречать как освободителей, а мы боялись попадаться им на глаза. Мы боялись, что они нас постреляют.

Так мы остались и не уехали в Европу. Еще два дня украинская армия искала, видимо, диверсантов, и на одной из улиц кого-то нашли. Я проезжал на машине, когда увидел поминальные свечки на дороге, много свечек. Я думаю, что им тоже надо было отчитаться, что зачистка проведена окончательно, а кого там зачистили, я, честно говоря, разбираться не очень хочу. Я хочу жить и работать, и чтобы меня никто не трогал. Жизнь налаживается, конечно, но хорошо было бы, если бы война прекратилась окончательно. Ведь нам реально нечего делить, это война политиков за свои грязные деньги».

Минометный обстрел, или С добрым утром!

Проезжаем один за другим украинские блокпосты, везде нас встречают очень хорошо, иногда улыбаются мне, когда узнают, что я журналист и еду в Луганск, желают мне удачи.

← СТРАНИЦА 5

«Месяц назад я отвезил туда женщину домой, там были пустые дороги, ни одной машины, только те, что сгорели в результате минометного обстрела», — вспоминает Юрий.

Последний украинский блокпост. Возле лесополосы, которую все называют «зеленкой», стоят в ряд машины. Ждем, когда прекратятся хлопки, — где-то недалеко работают минометы. Мальчик лет семи спрашивает папу, защитит ли он их с мамой? Папа, улыбаясь, отвечает, что все будет хорошо. Хлопки прекращаются. Молодой симпатичный парень проверяет мои документы, начинает улыбаться: «Вы журналист? Напишите о нас тоже, как мы тут стоим. Мы устали, очень устали, но и к тому, что устали, уже привыкли».

Я его спрашиваю, часто ли так стреляют.

— Да, но нам ничего не страшно, это мы так друг другу доброго утра желаем.

Я слышу звук гусениц сбоку, в «зеленке». И тут опять — свист и хлопок, уже совсем рядом, метров пятьсот. Ополчение стреляет по украинскому блокпосту. Я прошу, чтобы нас быстрее пропустили вперед, — целятся ведь явно не в машины, а метят в блокпост. Пограничник нас перекрестил и отправил («С Богом!») вперед, предупредив, чтобы ехали как можно дальше, потому что украинцы вот-вот начнут желать ополченцам «доброе утро» в ответ.

Комендатура

Следующий блокпост, уже луганский, через 300–400 метров (Славяносербский район). Люди — в самой разнообразной экипировке. У кого-то георгиевские ленты на рукаве, у кого-то — надпись «Уральский добровольческий батальон», кто-то в казачьей форме, есть и осетинский добровольческий батальон...

Документы проверяют очень быстро, пропускают вперед. Молодые люди собраны, но тоже спокойны и тоже улыбаются. Через двести метров меня встречают сотрудники комендатуры ЛНР: два парня с позывными «Большой» и «Берег». Садимся в их камуфлированный «уазик». У нас есть примерно десять минут, чтобы разъехаться: таксисту Юре — назад, в Славянск (он потом отзвонил, что добрался благополучно), нам — вперед, в Луганск. Потому что именно за десять минут, как показывает практика, на двух блокпостах минометные расчеты меняют позиции. Только отъехали — позади опять хлопки...

Проезжаем обгоревшую бронетехнику. Большой и Берег вылезают, осматривают танк — им нужны какие-то запчасти. В «уазике» луганской комендатуры автоматы, гранаты и две мягких игрушки: смешарик и енот.

Большой одет в «горку» (костюм горный ветрозащитный), Берег — в камуфляж. У Большого — борода и «талибская» беретка. Он смеется:

— Про нас тут журналисты уже написали, что «кадыровцы» Луганск охраняют. Мы даже в какие-то кадры попали...

— Как же люди, блин, мешают, — перебивает, иронизируя, Берег. — То ли дело месяц назад. Ни одной машины в городе не было, а сейчас даже светофоры работают.

И правда, город внешне живет обычной жизнью. На улицах — родители с детьми, работают рынки, магазины, школы, детские сады. В парке возле городской администрации, где несколько месяцев назад после авианалета лежали мертвые, сегодня стоит детская площадка и слышен детский смех. Машин много, даже пробки есть.

— Людей очень много вернулось назад, ощущение такое, что весь город, — говорит Большой. — Луганск восстанавливается очень быстро, каждый день саперы выезжают на проверку домов.

Но видно, что город не до конца оправился после обстрелов: стены много-

Люди возвращаются в Луганск и пытаются жить мирной жизнью

Юлия ПОЛУХИНА — «Новая»

Долгая дорога в Луганск

Перемирие по обе стороны границы: от минометных обстрелов к междоусобной войнушке

этажек пробиты снарядами. Гостиница «Луганская» готова меня принять, но в ней нет света, воды и кое-где выбиты стекла.

— Давай ее возьмем к нам в комендатуру, там безопаснее, — решил вопрос Берег.

Тогда я еще не совсем понимала, что они имеют в виду.

Военная комендатура — большое здание какого-то училища, во дворе которого — несколько общежитий. Мои сумки поднимают на второй этаж. Там проживают сотрудники комендатуры, следователи, солдаты, контрразведка, оперативники и просто обслуживающий персонал. На рукавах у всех нашивки с синим диагональным крестом на красном фоне. Это флаг военных сил Новороссии. На лобовых стеклах машин — пропуск комендатуры и флаг ЛНР (российский триколор, только с голубой полосой вместо белой).

Меня знакомят с Диггером, он местный ключник. Диггер предлагает мне одну из комнат.

— Вот тут вы будете спать. У нас холодно, но мы вам найдем одеяла или спальник, — говорит Диггер и резко меняет

тему. — Я пишу стихи про Донбасс. Я сам из России, но родился в Старобельске, сейчас мои родители там, а Старобельск находится под контролем украинской армии. Мне за сорок, у меня была супруга, мы очень хотели детей. Я смотрел телевизор и плакал, что же такое происходит. Так я бросил все, моя Аленка тогда была в положении, она меня так и не поняла. А я приехал в русский Донецк (*приграничный город в Ростовской области.* — Ю. П.), спросил, где граница, мне показали. Я пешком перешел границу и отправился сначала в Краснодар. Пришел в комендатуру, но мне сказали, что добровольцы им не нужны. Я был так удивлен. Но скоро выяснилось, что добровольцы нужны Луганской комендатуре. Так я попал сюда. Аленка мне этого простить не смогла, она сделала аборт и подала на развод. Теперь тут — моя семья, за каждого из ребят я боюсь, когда они уезжают на передовые позиции. Вот позавчера был бой, и пропал Пантелей, у него позывной «Пашка». Он с Красного Луча, его в бою потеряли, я не хочу верить, что его убили.

Диггер иногда производит впечатление блаженного. Ребята его жалеют, никуда не берут с собой.

— Я не прошу себе, если Диггера где-то случайно пристрелят, — говорит боец с позывным «Белка». — Жалко его безумно.

Меня угощают кофе, параллельно по рации женский голос сообщает о вызовах по определенным адресам. Я спрашиваю у Берега: как и по какому принципу формируются вызовы.

— А ... его знает! Где-то есть девушка с определенным позывным, вот она все формирует и отправляет на определенной частоте. Вскрываем наркоточки, ловим пьяных водителей, воров, мародеров и, я так понимаю, ловим по старым украинским разработкам обнальщиков валюты. Привозим сюда, потом следователи их допрашивают. Через несколько дней могут амнистию объявить и отпустить, когда подвалы переполняются. Но если кого-то серьезного ловят, например, диверсионную группу, оставляют в подвале при любых раскладах.

«Нас захватили!»

Группы уезжают и возвращаются, чаще всего слышится: «А, порожняк». Подхожу к окну — тут местная курилка, хотя дымит в общем-то везде. У парня с позывным «Канада» даже нашивка — канадский флаг.

— Да, я живу в Канаде, там осталась жена, но сам из Харькова, там у меня брат и родители. Я смотрел канадские новости, там они необъективны. Очевидно было, что поддерживали только одну сторону. Тогда я полез в интернет. Потом не выдержал и поехал в Россию, через пограничный пункт Северный перешел границу, позвонил брату, сказал, что я уже здесь. Брат на меня наорал, обозвал предателем и положил трубку. В принципе, и сейчас все мое общение с ним приводит только к одному: я зомбирован, я предатель.

На этаж влетает парень, кричит: «Где автомат? Быстро все вниз, нас захватили!» Смотрю — внизу, рассредоточившись, стоят человек 15 в камуфляже, на земле установлен ПТУР (противотанковая управляемая ракета), направленный прямо на наше окно. Те, кто в здании, бегут с автоматами вниз, их разоружают. Спускаюсь и я.

Все, кто был в комендатуре, уже построены — им зачитывается какое-то распоряжение. Мужчина говорит, что все окружены, что все законно, именем ФСБ РФ он назначен министром госбезопасности ЛНР. По тем, кто будет сопротивляться, будет открыт огонь. Объявляет об аресте трех заместителей коменданта ЛНР — их задерживают, и все уезжают. Бойцы возвращаются в «располаг», говорят, что их «навестил» бывший руководитель особого отдела комендатуры с позывным «Учитель».

— Юлия, только что был налет, это называется так, — говорит Большой. — Мы сюда приехали воевать за Донбасс, а не в междоусобных погони.

— Офигенно быть военным, — матерится Тархун. Он вообще-то ответственный за оружие своей роты. — Учителя отстранили вчера, сегодня он совершил налет. Ребята поехали разбираться и отбивать назад арестованных.

Тем временем по рации передают, что трех помощников коменданта отпустили, и уже кто-то успел арестовать Учителя. Вижу: сами добровольцы в шоке от того, что происходит. Еще через час отпускают и Учителя, а значит, надо ждать нового налета, выставлять посты вокруг комендатуры, не спать...

Юлия ПОЛУХИНА,
спец. корр. «Новой»
Одесса — Славянск —
Славяносербск — Луганск

Продолжение репортажа —
в ближайших номерах «Новой»

«Временно не установленный защитник Украины»

Днепропетровск хоронит
неопознанных бойцов,
погибших в зоне АТО

На прошлой неделе в Днепропетровске захоронили останки 42 человек, которые погибли в боях на юго-востоке Украины. Их имена так и не удалось установить. Вице-губернатор Днепропетровской области Святослав Олейник говорит, что сейчас в моргах Днепропетровска, Харькова и Запорожья находится более 500 неопознанных тел, которые предположительно принадлежат украинским военным.

«К нам продолжают поступать погибшие, — рассказывает заведующий бюро судебно-медицинской экспертизы при 4-й городской больнице Днепропетровска Игорь Титорчук. — На днях привезли тела пятерых военных из Луганского аэропорта». Бои за этот аэропорт завершились еще в конце августа. Судмедэксперты рассказывают, что большое количество неопознанных останков принадлежит бойцам, погибшим вблизи Иловайска.

Специалисты делают все возможное, чтобы установить имена погибших. «Есть косвенные признаки, по которым можно опознать человека: татуировки, личные вещи, зубные формулы, — объясняют судмедэксперты. — Если это не помогает, берем биологический материал для ДНК-исследования и направляем в Запорожье, где сейчас проводятся все ДНК-экспертизы по погибшим военным. Вся информация о погибших поступает в общую базу данных. Родственники могут сдавать кровь на исследования в любом регионе страны, ее доставят в Киев, проведут исследование и также включают результаты в единую базу данных».

Зинаида БУРСКАЯ,
спец. корр. «Новой»
Фото автора
Днепропетровск

В среду Верховный суд Чеченской Республики рассмотрит апелляционную жалобу на приговор по громкому делу Руслана Кутаева, о котором неоднократно писала «Новая».

7 июля Кутаев был приговорен к четырем годам лишения свободы. Кроме того, суд запретил ему заниматься общественной и политической деятельностью. Нетривиальный приговор, если учесть, что Кутаева судили за хранение героина в крупном размере. Это обвинение не помешало международному правозащитному сообществу признать Кутаева первым политическим заключенным Чечни.

Преступление, за которое судили Руслана Кутаева, датируется 20 февраля 2014 года. По версии обвинения, именно в этот день Кутаев взял в Пятигорске такси и поехал в чеченское село Гехи к родственникам. На заднем сиденье не установленной следствием машины он нашел «пакетик с неизвестным веществом», положил его в карман, доехал до Гехов, вышел из машины и тут же попался чеченским полицейским.

— С героинем! — уверенно говорили полицейские на стадии следствия.

Однако на суде выяснилось, что никто из них содержимое пакетика не видел.

— Так откуда вы узнали про героин? — допытывались адвокаты.

— Кутаев вроде сказал... — неуверенно протянул один из полицейских.

— Ваша честь! — попросил Кутаев. — Раз уж вы меня судите за героин, покажите хотя бы, как он выглядит!

Судья Дубков не смог отказать в последней просьбе. Он старательно и широко раскрыл пакетик, перегнувшись через судейский стол и на вытянутых руках, чтоб ближе к клетке, продемонстрировал содержимое.

— Теперь хоть знать буду! — усмехнулся Руслан Кутаев.

...Тот факт, что в пакетике именно героин, установил эксперт. На исследование пакетик поступил вечером 20 февраля с сопроводительной бумагой, подписанной заместителем министра МВД по ЧР Апти Алаудиновым. Лично!

Очень жаль, что следователь даже не подумал снять отпечатки пальцев с ключевого вешдока. Хотя что бы он делал, если бы на пакетике с героинем отпечатки Кутаева не нашли?

...Это дело базируется на показаниях полицейских, понятых, самого Кутаева, его родственников. Показания — это всего лишь слова. Сказать можно что угодно, но еще не факт, что так оно было на самом деле. Если в деле — только слова, не подкрепленные «совокупностью объективных доказательств», то дело это с огромной вероятностью может быть сфальсифицировано.

Например. В деле Кутаева есть признательные показания Кутаева. Он признался, что 20 февраля приехал из Пятигорска. В машине нашел пакетик с неизвестным ему веществом. Случайно сунул в карман. А потом попался чеченским полицейским. Но если бы судья удовлетворил ходатайства защиты и запросил биллинги телефонов Кутаева, его родственников, полицейских и понятых, то объективно был бы доказан факт: Руслан Кутаев себя оговорил. 20 февраля он в Гехах — был. А вот полицейских и понятых в это день в селе не было.

Если бы суд удовлетворил ходатайство защиты и запросил сводки погоды, то объективно был бы доказан факт: фотографии осмотра места происшествия

ПРОТИВ ПАМЯТИ

Продолжаем следить за судьбой первого чеченского политзаключенного Руслана Кутаева

сделаны не 20 февраля, а совсем в другой день. 20 февраля было солнечно, а на фотографиях — пасмурно и идет дождь.

Объективным доказательством, как погода или биллинги, являются домашние тапочки. На фотографии осмотра места происшествия тапочки Кутаева отчётливо диссонируют с зимней курткой (февраль все-таки). Потому что на самом деле 20 февраля неустановленные сотрудники чеченского МВД увезли Кутаева из дома родственника в чем был. Тапочки итальянские — да, были. А героина — не было. В тот день никто и не думал искать наркотики. За Кутаевым приехали совсем по другому поводу. И только через день его снова привезли в Гехи в наручниках и все тех же домашних тапочках, чтобы задним числом оформить следственные действия по выдуманному делу о наркотиках.

...Главным свидетелем обвинения по делу о наркоте стал... руководитель администрации главы Чеченской Республики Магомед Даудов. Очень важный человек в Чечне. Настолько важный, что, когда он вошел в зал суда (намертво оцепленный его охраной снаружи), все встали. Даже судья. Магомед Даудов рассказал суду, что с Кутаевым не знаком, не видел, не знает и никогда пальцем не трогал. В то же самое время Магомед Даудов рассказал, что 18 и 19 февраля настойчиво пытался связаться с Русланом Кутаевым. Зачем — не сказал. «Я не смог до Кутаева дозвониться. Его телефон не отвечал». Вот тут показания Магомеда Даудова категорически противоречат объективной реальности. В распечатках телефонных звонков с номера Кутаева зафиксирован звонок Магомеда Даудова. Разговор продолжался более четырех минут. О содержании разговора Кутаев подробно рассказал следователю

по особо важным делам чеченского СК, проводившего в тот момент проверку по факту пыток Руслана Кутаева. Главными фигурантами проверки проходили заместитель министра МВД ЧР Апти Алаудинов и руководитель администрации главы ЧР Магомед Даудов.

...После четырехминутного разговора с Даудовым Кутаев уезжает из родного Ачхой-Мартана в Гехи. Он звонит своим друзьям, в том числе известным федеральным политикам и российским правозащитникам. Сообщает, что его жизни угрожает опасность. Что его жизни угрожает опасность. Что его жизни угрожает опасность. Что его жизни угрожает опасность.

18 февраля произошло событие, которое власти Чечни истолковали как преступление гораздо более тяжкое, чем хранение героина в крупном размере. 18 февраля Руслан Кутаев участвовал в не согласованной с руководством Чечни научно-практической конференции, посвященной запрещенной руководством Чечни теме: 70-летию депортации вайнахского народа. После конференции непокорных республиканских историков вызывали на ковер к Даудову и Кадырову. Только один не явился...

И тут принципиально важно помнить, что произошло 70 лет назад.

23 февраля 1944 года спецподразделения НКВД, усиленные частями Красной армии, начали операцию «Чечевица». Всего за семь дней из своих домов были высланы полмиллиона человек. Погруженные в вагоны для скота, целый месяц люди в тяжелых, унижительных условиях добирались до нового места жительства — казахстанской и киргизской степи.

Чечено-Ингушская АССР прекратила свое существование.

Она была восстановлена только в январе 1957 года, когда приказ о высылке вайнахов был отменен. А через девять месяцев в селе предков Ачхой-Мартане родился Руслан Кутаев...

Депортация вайнахов была настолько масштабной, что коснулась каждой чеченской семьи. «Ахмат Абдулхамидович Кадыров родился в городе Караганда Казахской ССР, куда его семья была выслана в 1944 году...» Это — цитата из Википедии.

Депортация — трагедия без покаяния, а значит, и без прощения — была основным идеологическим источником чеченского сепаратизма. Именно родившееся в депортации поколение чеченцев воевало с Россией за независимость.

«Рамзан Кадыров — самый молодой президент и генерал в России...» — это тоже цитата из Википедии. 37 лет. Семь из них — глава Чечни. Магомед Даудов — 34 года. Апти Алаудинов — 41 год. Вы когда-нибудь задумывались, почему в руководстве Чечни так много молодых людей? Почему Москва сделала ставку на тех, чья память о трагическом прошлом перебита беспощадным настоящим двух чеченских кампаний? На тех, кого война сделала людьми без исторической памяти, потому что лишила главной возможности мирного детства — возможности учиться и знать?

Только человек, свободный от знания, мог приказывать чеченцам праздновать 23 февраля День Российской армии.

25 февраля Кадыров выступил по местному каналу «Вайнах»: «Вы утверждаете, что нас выслали потому, что мы мусульмане и чеченцы, да? А почему Дагестан не выслали, хотя у них вера была сильнее, чем у нас? В Дагестане руководство в то время сказало, что они остановят своих преступников, а наши сказали, что не остановят своих... что... будут воевать против Сталина...»

Более 28 тысяч чеченцев и ингушей воевали во время Великой Отечественной войны. Погибло 2300 человек.

Четыре человека стали на войне Героями Советского Союза, еще шестеро получили это звание с опозданием на 13 лет — после реабилитации репрессированных народов.

По архивным данным было заполнено более 40 представлений на эту награду, но с февраля 1942 года уже действовало негласное указание «придерживать» наградные листы. Имена трех чеченцев и одного ингуша увековечены в мемориальном комплексе защитников Брестской крепости.

За 13 лет по воле Сталина численность депортированных чеченцев и ингушей сократилась на 100 000 человек.

Вот поэтому выступление главы республики оскорбило многих чеченцев. Как и дело Руслана Кутаева, которое последовало за этим выступлением.

Четыре года тюрьмы за преступление, которого не было, — это несправедливая и жестокая плата. Но в последнем слове признанный виновным в хранении наркотиков Руслан Кутаев сказал: «За право быть чеченцем, человеком чести, свободным человеком сегодня надо платить. Поэтому я здесь».

Елена МИЛАШИНА, «Новая»

Елена МАСЮК

обозреватель
«Новой»

Из-за отсутствия профильного образования (у него диплом системотехника) политтехнолог Белковский называет себя политологом фейковым и вообще считает, что политолог в России — это не специальность, поскольку таковым здесь называют любого публичного комментатора.

На фейковой странице Белковского «ВКонтакте» написано, что он «любит и умеет эпатировать публику. Его тексты вызывают бурные споры, а порою и скандалы». Хотя этот аккаунт и липовый, господин Белковский соглашается, что любит эпатаж.

Станислав Александрович не скрывает, что «обожает посплетничать». И в разговоре он просто душка. Одним словом, мужчина, приятный во всех отношениях. Он почти всегда одет в черное, а в руках постоянно крутит то ли черный пластиковый хвост, то ли черную резинку с какой-то красной перемычкой. Рассмотреть точно, что это, невозможно: этот хвост-резинка все время в движении — туда-сюда, туда-сюда...

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

Станислав БЕЛКОВСКИЙ:

«Я тот, кто должен передать соль»

Исповедь «маленького человека»

— **А** что это за штука, которую вы все время крутите в руках?

— Это аналог чётков. Они самодельные. Я их сам сделал. Поскольку я человек шизоидного типа личности, я одновременно думаю разными полушариями про разное. Поэтому мне трудно сосредоточиться на обсуждаемой теме, и я использую разные приемы для концентрации...

Пенсионер Белковский

— Станислав, за последнее время я прочитала много ваших интервью, и мне показалось, что вы в некоторой степени кокетка. Вы называете себя политконсультантом на пенсии. Неужели вы больше не получаете деньги за политконсультации?

— В прямом смысле слова это правда, потому что я не оказываю консультации политикам и не занимаюсь никакими политическими проектами. Это все умерло в 2009—2010-м. Ни в России, ни в Украине, где я был достаточно активным, у меня политических проектов нет. Это не значит, что я не занимаюсь консультациями вообще. Мой кусок хлеба — это в основном помощь бизнесменам и корпорациям. Но это не политика как таковая, не борьба за власть.

— А какими политическими проектами вы занимались в «предпенсионный» период?

— Это были оппозиционные проекты, которыми я глубоко разочарован. К сожалению, я не могу сильно вдаваться в детали, потому что это не моя тайна. Я много работал с российскими оппозиционерами и не могу сказать, что я сегодня отношусь к ним очень хорошо. Потому

что я увидел там всю ту же гадость, что и в Кремле, только в пародийном варианте. Но у Кремля хотя бы есть ресурсы для той гадости, которую он делает, а у оппозиции и ресурсов нет, но есть желание быть как Кремль...

— В чем эта гадость проявляется?

— Если российский оппозиционер уже известен, то каждый второй из них, если не каждый первый, считает себя кандидатом в президенты, причем уже завтра, и живет по принципу «спасибо мне, что есть я у тебя». Во власти считают, что если написали о Владимире Владимировиче Путине, то ясно, что раньше за это платил Березовский, а теперь Госдеп с Ходорковским. У оппозиции то же самое: если оппозиционер в какой-то публикации выглядит идиотом, которым он, скорее всего, и является, то ясно, что это кремлевский заказ. Или если я, например, подверг критике какую-нибудь оппозиционную партию, то совершенно очевидно, что это сделано за большие деньги по заданию ФСБ. У них нет ни малейшего критического отношения к себе. Даже у Путина самоиронии больше, насколько я наблюдаю его в публичном поле, поскольку я лишен возможности наблюдать его с близкого расстояния.

— То есть лично с Путиным вы не встречались?

— Нет.

— А хотели бы?

— Конечно. Мне кажется, он интересный собеседник.

— А что бы вы ему сказали при встрече?

— Я ничего не могу ему посоветовать, потому что это абсолютно сформировавшийся человек со своими приоритетами. Но мне было бы интересно проверить некоторые свои гипотезы относительно

его психотипа и глубокой системы внутренних приоритетов.

— Извините, процитирую вас: «Мы (с коллегами из Института Сербского) поставили Владимиру Путину диагноз — «гипертоксическая шизофрения»...

— Ну это был, конечно, перебор, это была шутка, но не все ее так восприняли. Ни с какими коллегами из Института им. Сербского я не встречался, и никакого диагноза мы не ставили. Но по смыслу этой шутки, если ее доконструировать, выражаясь умным словом, я подтверждаю свою мысль, что — да, у Путина крыша поехала. Произошло это в этом году под влиянием всего накопленного опыта. Когда Путин приходил к власти, он страдал комплексом самозванца, то есть он не совсем верил, что стал президентом такой большой страны, и страшился собственной роли. Но за 14 лет он окончательно уверовал, что он величайший государственный и политический деятель мира.

— Но ему в этом помогли.

— Ему в этом помогли все, кто только мог. Я в одном радиозэфире предложил отправить в Гаагский трибунал трех человек — меня, Венедиктова и Стивена Форбса (издателя журнала «Форбс»). Потому что мы все троим и еще 333 тысячи человек сделали все от нас зависящее, чтобы возвеличить Владимира Владимировича. И западные СМИ ему в этом очень способствовали. Но ведь всегда, когда у человека обостряется психоз, то должен быть какой-то детонатор обострения, то есть какое-то яркое эмоциональное впечатление. Мне кажется, таким ярким эмоциональным впечатлением была Олимпиада в Сочи.

Сколько было разговоров о том, что Олимпиада сорвется, что стадионы рухнут на головы спортсменам и зрителям,

что сборной России там ловить нечего... Все прошло как по маслу, и еще сборная России заняла первое место в командном зачете.

И тут как раз закрытие Олимпиады совпало с революцией в Киеве, в результате чего возникла вполне понятная психическая картина. То есть величайший государственный деятель мира Путин — и на другой стороне враждебная ему Америка, которая хочет ему отомстить, и поэтому свергает Януковича и приводит к власти в Киеве «кровавую хунту», которая должна немедленно выкурить Черноморский флот из Крыма.

— Но вы призвали в одном из радиозэфиров нанести тактический ядерный удар по Черноморскому флоту России силами Пятого флота США...

— Да, я потом публично извинился за это высказывание и дезавуировал его. Я погорячился.

— Вы побоялись, что к вам уголовную статью применят?

— Ну, скажем так, я не могу сказать, что я полностью от него отрекаюсь, но, конечно, это был перебор с моей стороны, я тоже был в состоянии крайнего эмоционального возбуждения в связи с крымскими событиями, и, наверное, так делать было не надо. Но в той мере, в какой эта фраза на сегодняшний день отражает военную опасность Владимира Владимировича Путина, я с ней по-прежнему солидарен.

— Опасность, исходящая от Владимира Владимировича Путина?

— Да, военная опасность, исходящая от него с того момента, когда в феврале Путин твердо взял курс на шантаж мира большой войной.

← СТРАНИЦА 9

— **Е**ще одна ваша цитата: «Кардинальное преимущество Путина состоит в том, что он может воевать, но не хочет воевать». Но при этом совсем недавно вы же сказали, что «у России нет достаточно военных сил для того, чтобы оккупировать хотя бы юг Украины». Получается, что одно противоречит другому.

— Нет, не противоречит. Это зависит от стратегии и тактики войны. Путин ведет не большую войну образца Первой и Второй мировых войн, он ведет классическую гибридную войну, в которой постоянный контроль над территорией не нужен. Нужны спецоперации, в ходе которых уничтожается и военный, и гражданский потенциал противника. После того как спецоперация завершена, войска уходят в места постоянной дислокации, но политически задача уже решена. Собственно, он так и сделал в части Донецкой и Луганской областей.

— **Сейчас Путин отвел войска от границы, какие, как вы думаете, будут следующие его шаги?**

— Ну как отвел, так в считанные дни, если не часы, приведет обратно, поэтому не надо переоценивать это заявление. Это тактические маневры, которые сути дела не меняют. Ведь что Путин сделал в конце августа этого года? Он нанес точечный удар по украинским войскам, разбил их и принудил Украину к тем уступкам, которые она сейчас совершает. При этом он официально не отвечает за это, он утверждает, что в войне не участвует. Это и есть гибридная война, в которой сейчас он дает урок миру, которой он и шантажирует всех. Когда он говорит, что может ввести войска в Варшаву, он не блефует.

— **У него же нет сил, чтобы ввести войска...**

— Чтобы ввести — есть. Чтобы оккупировать — у него сил нет, а чтобы нанести удар по какой-нибудь территории — у него силы есть, почему нет. Главное — это ведь война нервов. Проблема в разности цены человеческой жизни. У нас — и в Европе. Можно себе представить, что какая-нибудь европейская страна анонимно посылает солдат на какую-то войну, а когда с нее возвращаются гробы, с семей погибших берут подписку о неразглашении и хоронят чуть ли не анонимно, отрицая сам факт участия в войне? Сколько бы продержалось европейское правительство, которое бы так сделало? А у нас, пожалуйста, не вопрос.

«Я ПЫТАЮСЬ КАК-ТО
ОТПОЛЗТИ»

— **Вы очень резко публично высказываетесь о Путине. Вы не боитесь так критиковать президента?**

— Боюсь. Но это та ситуация, когда глаза боятся, а руки делают.

— **Вы остановиться не можете?**

— Что значит «остановиться»? Остановиться — значит полностью уйти из той сферы, которой я занимаюсь. Я никогда не относился к Путину плохо и не отношусь к нему плохо. И в моей риторике, с тех пор как я стал публичным человеком, было много и пропутинских высказываний, за которые вся наша оппозиция и прогрессивная общественность немедленно объявляли меня пунтинцем и агентом ФСБ.

— **Вы как-то сказали: «Путин обо мне ничего не помнит. Это большой подарок (его мне): высочайшее забвение, как я считаю, избавило меня от многих жизненных неприятностей». То есть если бы Путин что-то конкретное помнил о вас, то это могло осложнить вашу жизнь?**

— Ну Путин знает про меня, но он не принимает меня всерьез, то есть я одна из миллиарда мелких сошек, которые вытеснены над российской политикой и над ним. Он не считает меня за человека — вот в чем секрет моей безопасности.

Путин относится к человеку тем жестче, чем он считает его опаснее. Вот,

например, Ходорковского он считал очень опасным и дал ему 10 лет тюрьмы. Навального он считает не очень опасным, поэтому Навальный сидит под домашним арестом. А я и еще миллион таких людей, как я, кому мы нужны? Миллиардов у меня нет, высокого политического статуса или возможности баллотироваться на выборные должности у меня нет... Вернее, возможность есть, но возможности выиграть выборы у меня нет. Ну что, пусть живет. В этой системе надо быть маленьким человеком.

Другое дело, что безопасность или небезопасность такого человека, как я, действительно маленького (что я абсолютно признаю), определяется ведь не волей Путина, это ведь может решаться на значительно более низких уровнях. И если я нарушаю чьи-то интересы на значительно более низких уровнях, то вот здесь всякие опасности возможны, и я периодически через знакомых получаю от них предупреждения.

— **Это люди из администрации президента?**

— Нет, вряд ли. Хотя при Суркове как раз администрация президента уделяла мне внимание. А при Володине — нет. Володин поэффективнее в этом смысле. Он особенно не заморачивается.

— **А сейчас предупреждения от кого исходят?**

«**Меня не проймешь на том, что в каком-то большом кабинете расскажут страшную тайну. И ты ходишь по Москве и рассказываешь всем эту тайну, а потом выглядишь идиотом**»

— Например, есть крупный капитал, который может быть мною недоволен в связи с какими-то моими высказываниями. Я в каждой конкретной ситуации пытаюсь адекватно оценить риск. Я не хочу сказать, что я всегда иду напролом. Нет, если я чувствую, что опасность существует, — я пытаюсь как-то отползти.

— **На вашей странице в «Фейсбуке» я нашла такой комментарий: «Станислав, вот слушаешь вас и думаешь, откуда вы все так знаете? Прямо что скажете, то и происходит. Не иначе как с самим Боженькой дружите, и он вам нашептывает на ушко». Так откуда, Станислав, действительно вы все знаете?**

— Я ничего особенного не знаю, у меня есть какие-то источники, в том числе во власти, но не первоклассные. Я думаю, что среди так называемых политологов, к которым я тоже отношусь, есть люди с источниками гораздо круче, чем у меня. Я уже давно ни в каких формах не коммуницирую с властью. Хотя напрямую я никогда и не коммуницировал, но с какими-то околокремлевскими и кремлевскими фигурами общался.

— **А почему не коммуницируете? Они от вас отказались или вы от них?**

— И то и другое. Сначала я, потом они. Я — потому что в какой-то момент

стало понятно, что нужно приносить моральные жертвы, к которым я не готов.

— **Например?**

— Ну я не могу быть транслятором каких-то идей и мнений. Они потеряли ко мне интерес, потому что лучший способ уничтожить публичного человека, который тебе неудобен, — это забыть о нем. И я согласен с тем, что эта линия гораздо более эффективная, чем линия времен Суркова, когда два раза в год против меня устраивались какие-то мочильные информационные кампании... Подсылали ко мне Катю (Муму), как и к другим. Но вопрос в том, что я не клонул на Катю (Муму). (В 2010 году Катя Герасимова (Муму) и Анастасия Чукова (Чукс) предлагали себя и кокаин оппозиционным политикам и журналистам. Не все отказались. Видеозаписи интимных встреч и нюхания белых дорожек были выложены в интернет, а потом показаны и по одному из федеральных каналов. — Е. М.)

Катя (Муму)

— **А почему вы не клонули на Катю?**

— Она вообще не в моем вкусе... Но я подвел научную базу под историю с Катей (Муму), потому что у меня есть специальный прием оценки искренности женского интереса ко мне, который называется «17-е правило Белковского».

Станислав БЕЛКОВСКИЙ:

«Я ТОТ, КТО ДОЛЖЕН ПЕРЕДАТЬ СОЛЬ»

успехом я мог читать отрывок из Гимна Советского Союза. Я понял, что все происходящее — это какой-то большой подвох.

— **А сколько всего правил Станислава Белковского?**

— Их неограниченное количество, поскольку, когда мне приходит в голову идея сформулировать очередное правило, я присваиваю ему номер от балды. Вот когда я издам книжку правил, тогда буду знать, сколько их.

— **Они на многие случаи жизни?**

— Да. Например, есть еще закон Белковского. Закон Белковского состоит в том, что в истории всегда происходит то, что должно произойти.

— **Ну это аналогично «Чему бывает, того не миновать».**

— Да. Но, основываясь на законе Белковского, я, например, в начале этого года предсказал падение Януковича.

— **А падение Путина?**

— Падение Путина я не могу предсказать. Хотя политолог я и фейковый, но, как политический аналитик, я не могу сказать, что я совсем фейковый, потому что у меня есть большой опыт анализа политических событий, явлений и людей. Я отдаю предпочтение не линейному политическому анализу, который строится на учебниках по политологии, а самым разным смежным методам анализа, ну если мы говорим о российской политике, где очень много зависит от личности. Западная политика институциональна, она построена на институтах, и там все по-другому.

Я все больше пытаюсь пользоваться, например, психоанализом. И вообще использую самые разные методы, вплоть до астрологии.

Дракон, Весы и Барсук

— **Вы занимаетесь астрологией?**

— Нет, но методами ее пользуюсь, в том числе для оценки того, что тот или иной политик делает или сделает.

— **Вы сами делаете расчеты или с кем-то сотрудничаете в этой области?**

— Да, я сотрудничаю с профессионалами.

— **Например, на Путина вы тоже зачисляли какой-нибудь астрологический прогноз?**

— Да, конечно. И на всю жизнь, и на год, и на день, в зависимости от того, что в данном случае являлось предметом моего интереса.

— **Хорошо, и что говорят астрологи?**

— Слишком много деталей я приводить не буду, потому что тогда читатель полностью решит, что я сошел с ума, хотя это не является полной неправдой. Но, в общем, я скажу следующее: Путин родился в год Дракона, а по знаку Зодиака — Весы. Дракон олицетворяет власть. И понятно, что для Дракона означает власть. Он не воспринимает себя как наемный менеджер. «Услуги населению» — это все шутка. Он воспринимает людей как подданных, жизнями которых он может распоряжаться. Это не значит, что он в принципе жесток. Он может анонимно посылать людей на войну, у него ничего в связи с этим не дрогнет. Но по зодиаку он Весы, а Весы — это знак компромиссный, разбалансированный. Поэтому любое свое действие, даже абсолютно противоречащее законодательству и духу

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

закона, он формализует в соответствии с законодательством либо подгоняет законодательство под то, что ему нужно. В отличие от Ельцина, которому никакие законы были не нужны, чтобы распустить парламент, а потом расстрелять его.

— Ну да, Путин часто повторяет: главное, чтобы все было по закону.

— У Путина формально все концы с концами должны сходиться. Он человек баланса интересов, он не будет кого-то сжирать только из желания сожрать. Именно поэтому многие олигархи ельцинской эпохи прекрасно выжили. Кроме того, его тотемное животное — Барсук. Путин как Барсук. У Барсука, как известно, самая глубокая нора, он скрытен, он все держит в себе. Он часто может дезинформировать даже кого-то ближайшего относительно тех решений, которые он в состоянии принимать. И именно поэтому я давно уже разочарован в так называемых «источниках». Потому что кремлевские источники, даже весьма высокопоставленные, могут быть использованы для распространения как нормальной информации, так и абсолютной дезы, о которой они сами могут и не догадываться.

— А вас использовали в таких разводах?

— О-о, 120 тысяч раз. Но когда я это осознал, я стал гораздо меньше доверять источникам. То есть теперь меня не проймешь на том, что в каком-то большом кабинете расскажут страшную тайну. Я в эту тайну априори не поверю и буду ее проверять, прежде чем поделюсь с кем-то еще.

Здесь же берут людей на тшеславии, на то, что вот я сейчас тебе расскажу страшную тайну, которую не знает никто, кроме тебя. И ты ходишь по Москве и рассказываешь всем эту тайну, а потом выглядишь идиотом.

«Путин — мой спонсор»

— Путин — человек упорный и упертый, на него давить нельзя. Под любым давлением он всегда поступает наоборот. И я считаю, что Запад совершил ряд

больших ошибок в работе с Путиным, о чем я много раз говорил и западным дипломатам, и экспертам, с которыми общался, и во время моих выступлений на конференциях, после чего российская прогрессивная общественность неизменно обвиняла меня в работе на Кремль. Путин очень хотел быть другом Запада, он западник изначально, априори. Он не любит ни Китай, ничего такого, это все ему глубоко чуждо. А близка ему Германия, и он хочет дружить с Америкой. Но Запад не смог правильно прижать его к любящей груди, он не смог найти правильные слова, формы и методы работы с ним.

— То есть Западу надо было через астрологов действовать?

— В принципе, если утрировать, то да. А Запад действовал своими обычными институциональными методами — есть политика, есть идеология...

— А западные политики не обращались к вам за советом: как им быть?

— Нет, из зарубежных политиков ко мне обращались только украинские политики, но это было в прошлом десятилетии. Понимаете, моя культура анализа очень отличается от западной. У меня в Германии в ноябре прошлого года вышла книга о Путине, сейчас выходит ее вторая редакция, там уже дописано про Крым и про все остальное. И на меня, кстати, выходили определенные люди, которые имеют не последнее отношение к Кремлю, с убедительным пожеланием не публиковать эту книгу в России.

— А она будет опубликована в России?

— Нет. Я прислушался: мне сказали, что «если опубликуешь ее в России, то мы за себя не ручаемся». Это было полтора года назад, когда она была написана. То, что Кремль заинтересовался этой книгой, льстит и делает мне честь. За это время книга вышла еще в пяти странах, и выйдет в новой редакции, даже в Китае. Книга называется: «Настоящая правда о Путине».

— А там есть что-то такое, что может скомпрометировать президента?

— Там очень много именно личностного анализа, что, собственно, и вызвало негативную реакцию моих собеседников.

— Анализа в том числе и через астрологию?

— Нет, глава с астрологическим анализом Путина была в издательстве выброшена. Мне сказали, что западный читатель этого не поймет, для него само наличие этой главы будет свидетельством несерьезности книги в целом... И когда я начинаю рассказывать западным людям все, что вам сейчас рассказываю...

— Про Барсука?

— Да, они невосприимчивы к такого типа анализу. На самом деле написать книгу — это не моя идея. Я отбрыкивался как только мог. Потому что «мысль изреченная есть ложь». Как только я сложу все свои знания о Путине воедино, всегда потом вылезет что-нибудь, чего в книге нет, и это несколько смажет картину. Так и произошло. Произошел Крым, который был совершенно не прогнозируем.

— И поэтому сейчас второе издание.

— Но больше не будет. Я зарекся. Я признал свою ошибку, что вообще связался с этим.

— Это после того, как вас предупредили?

— Нет-нет, если бы я так боялся, я бы вам сейчас не говорил, что меня предупредили. Нет. Но я просто стараюсь быть конвенциональным. Если мне сказано: ты этого не делай, иначе будут большие неприятности, — ну я этого и не делаю. Я не горжусь этой книгой. Я считаю, что в ней слишком много текущего и мало вечного.

Путин, это я неоднократно говорил публично, безусловно, мой информационный спонсор, а косвенно и финансовый. Если бы не он, моя жизнь была бы гораздо более бедной и тусклой. Поэтому я в этом смысле ему очень благодарен, и я нисколько не иронизирую, поверьте мне. Я его люблю, как сказал Светлов: «Я сам лучше брошусь на паровоз, чем брошу на рельсы героя». Я отношусь к нему как к герою своего романа.

Я считаю, что самое важное в жизни человека — это правильно понимать свою клеточку в мироздании. Понимание приходит не сразу, а ко многим не приходит никогда. Вот есть такой любимый мною анекдот... Умирает Рабинович, предстает перед Господом и спрашивает: «А в чем был смысл моей жизни?» Господь говорит: «Помнишь, 40 лет назад тебя в вагоне-ресторане поезда Москва—Ростов попросили передать соль? Ну вот он и был». Мне это ощущение близко. Поэтому я очень четко понимаю свое скромное место в мироздании. То есть я — человек, который должен передать соль.

«Народ — ученик, а власть — учитель»

— Еще одна ваша фраза, которая повергла меня в некий шок: «За все нужно платить, в том числе и за наслаждение от манипулирования миром, которое он (Путин) испытывает сегодня, — наслаждение острое и яркое, как всякое острое и яркое наслаждение, боюсь, недолгое, потому что оргазм человека значительно короче оргазма слона». Слушайте, это же просто кощунство — сравнивать Путина со слонем.

— Путин сейчас на коне. Ошибка классического аналитика, на которой погорели многие (и я отчасти горел в разные периоды моей жизни), состоит в попытке приставить свою голову на плечи объекта анализа. Объект анализа не думает так, как ты. Сейчас я окружен огромным количеством моих знакомых аналитиков, политиков, некоторые из них считают, что страна находится в глубочайшем кризисе и Путин денно и нощно думает о том, как выйти из этого кризиса. Он совершенно так не рассуждает. Путин на коне, он абсолютно успешен, он считает,

что он побеждает, что тактика шантажа большой войной была успешной, а все эти санкции у него вообще...

— Но вопрос с экономикой точно не на коне.

— Ну это неважный для Путина вопрос. Ведь то, что Греф, Кудрин и другие на чем свет стоит ругают экономическую политику Кремля, при этом оставаясь друзьями Путина, и один из них оставаясь главой Сбербанка, — говорит о том, что для Путина этот вопрос неважный. Если бы они знали, что для него это важно, они бы сильно сбавили обороты. Греф ведь не сумасшедший типа меня, его выступление (на инвестиционном форуме «Россия зовет» в октябре 2014 года. — Е. М.) — очень продуманный шаг.

— Но жизнь людей ухудшается. Они бесконечно не могут кричать Путину «ура!».

— Могут, могут. Об этом свидетельствует вся российская история. Главное — не стать Горбачевым, то есть не быть делегитимированным народным сознанием. Путин уничтожил внутриполитическую политику, ее просто нет. Он объявил войну окружающему миру. Важен результат. Если бы на моем месте сейчас стоял Владимир Владимирович, он бы сказал: «Ну что вы паритесь, все нормально, вы просто не видите, что все нормально». Народ еще обеднеет, но всем же понятно, что это все будет по вине Америки и ее сателлитов.

Давайте посмотрим, что происходило в последние несколько месяцев глазами Путина. Ведь он шел от победы к победе.

— Но «Боинг» подкосил его победу.

— «Боинг» отсрочил. Он добился бы этих результатов еще в июле. Он добился признания субъектности ДНР и ЛНР, что Украина категорически отрицала еще недавно; усадил их за стол переговоров, обеспечил линию разграничения, а линия разграничения — это фактически обозначение пределов независимости ЛНР и ДНР; добился принятия закона об особом статусе района Донбасса. Причем, когда Порошенко пришел в парламент продавливать этот закон, он буквально апеллировал к Путину. Это, на мой взгляд, была большая политическая ошибка Порошенко. Он давил на депутатов с помощью главного аргумента: у меня на телефоне Путин, и если вы немедленно не проголосуете за этот закон, сейчас танки пойдут изо всех щелей и всех снесут, и Путин нас окончательно уничтожит.

— Но это капитуляция.

— Да, конечно. Де-факто это так и есть. Наконец, полный триумф Путина — это визит Порошенко в Вашингтон. Я был на форуме «Ялтинская экономическая стратегия», так называемый YES, который в этом году проходил в Киеве из-за аннексии Крыма, а не в Ялте, как прежде. Там выступал Порошенко, который сказал, что «я еду в Вашингтон получать статус особого союзника США за пределами НАТО». Порошенко прибыл в Вашингтон через несколько дней после этого и получил полный отказ по всем позициям. А сейчас Путин идет дальше. Сейчас ему нужно гарантировать жизнеобеспечение Крыма. Ему нужно добиться, чтобы была снята фактическая блокада Крыма. Конечно, он не рассчитывает на формальное признание, будучи более или менее реалистом в этих вопросах. Ему нужно фактическое признание, чтобы энергоснабжение, водоснабжение, товарные потоки — все это шло в Крым, потому что иначе Крым не сможет выжить. А следующим шагом будет Приднестровье... Не случайно на саммите СНГ он на Молдову наехал, он уже предупреждает: ребята, ваше движение в ЕС и НАТО будет до тех пор, пока что-нибудь крымоподобное или донецкоподобное не случится в Приднестровье.

← СТРАНИЦЫ 9, 10–11

Станислав БЕЛКОВСКИЙ:

«Я тот, кто должен передать соль»

Анна АРТЕМЬЕВА — «Новая»

— У меня такое ощущение от ваших слов, что Путину абсолютно все равно, что происходит внутри страны...

— Он уже так научился обращаться с русским народом, что русский народ его не страшит. Он считает, что с ним можно делать все что угодно... Русский народ податлив и абсолютно покорен власти. Потому что он внутренне глубоко от нее отделен.

— То есть власть сакральна?

— Власть — это строгий учитель. Народ — ученик начальной школы, а власть — учитель. Обратной стороной этого является русская святость. Потому что это две стороны одной медали. А значит, нужна авторитарная, жесткая власть. То есть мягкий и добрый учитель не подходит, и уж тем более учитель не может быть другом ученика, между ними должна быть большая дистанция.

— Но ведь меняются режимы, меняются поколения...

— А вот это не меняется. Как только правитель начинает быть добрым, как Горбачев или Ельцин в отдельные времена, всё — конец этому правителю.

«Ходорковский — не Барсук»

— В 2003 году вышел ваш доклад «Олигархи и олигархия», который, как многие считали и продолжают считать, стал детонатором к аресту Ходорковского. Ходорковский, выйдя на свободу, организует международную конференцию «Украина—Россия: диалог», куда в том числе приглашает и вас. И сейчас вы были в Праге на еще одном форуме, опять встречались с Ходорковским. Он не держит на вас обиды за тот доклад?

— Конечно, нет. Ходорковский, как человек с неплохими аналитическими способностями, понимает, что я его не сажал и что вовсе не доклад привел к «делу ЮКОСа». А что привело к «делу ЮКОСа», кстати, очень подробно изложено в моем докладе прошлого года. Причем опять прогрессивная общественность выверилась на меня. Кто-то говорил, что это арт-подготовка третьего «дела ЮКОСа», хотя я утверждал, что третьего дела не будет. Когда Ходорковский вышел из тюрьмы, его изложение того, как все было, на 90% совпало с содержанием моего доклада. Но тогда ЮКОС и лично Леонид Борисович Невзлин, который в то время курировал информационную политику в ЮКОСе, выставили меня главным антигероем этой истории, что было, на мой взгляд, контрпродуктивно. Для меня это было и хорошо, и плохо. Плохо — потому что меня представили чертом с рогами и хвостом, коим я не являюсь; хорошо — потому что я стал известным человеком благодаря этому делу. Но ЮКОСу это абсолютно ничего не дало. И о «деле ЮКОСа» я ничего не знал, когда готовился тот доклад.

— Ничего не знали?

— Нет, конечно. Вся Москва знала, что Ходорковский финансирует разработки на тему парламентской республики и себя, любимого, премьером. Некоторые политики, которые занимались этими разработками, просто открыто ходили по Москве и обо всем рассказывали. Причем это считалось легальным и легитимным, потому что эта вся деятельность была согласована с Волошиным. Потом уже, когда сел Платон Лебедев, юкосовцы дали задний ход, стали говорить, что это все ерунда и неправда.

— А это было бы хорошо для России, если бы Ходорковский стал премьер-министром?

— Тогда — нет. Сейчас, может быть, да. Потому что Ходорковский образца 2003 года — это обычный олигархический вампир, это Ротенберг или Тимченко тех времен. Вы бы хотели, чтобы Ротенберг сейчас стал премьером? То есть с поправкой на то, что, если бы Ротенберг стал премьером, он был бы техническим придатком Путина, а Ходорковский не был бы техническим придатком Путина, что, собственно, Путина крайне возбудило.

— Ходорковский сейчас фактически заявил о своих претензиях на пост президента на переходный период...

— Я бы не стал абсолютизировать все, что Ходорковский говорит. Тут надо отделять стратегические вопросы от практических моментов. Ходорковскому важно поддерживать свое присутствие в информационном потоке и быть точкой на горизонте Владимира Владимировича. То есть не превращаться в Белковского, грубо говоря, на которого Путину наплевать.

— Это месть?

— Это амбиции. Из общения с Ходорковским вынес три вещи: первое — что это очень умный человек; второе — что это очень амбициозный человек, которого, безусловно, никакое пенсионное сидение в Швейцарии не устроит, и если это кому-то и рассказывается, то это так, для успокоения...

— Но он не Барсук?

— Нет, не Барсук. И в-третьих, этот человек готов ждать. Я не думаю, что у него есть какой-то план взятия власти. Более того, я не думаю, что он считает этот план необходимым. Если и когда власть падет, она должна пасть к чьим-то ногам. Мне показалось, что общая стратегия Ходорковского именно такова.

«Чтобы меня растоптать, компромат не нужен»

— Вы недавно сказали: «Я уважаю российские спецслужбы, поскольку они могут растоптать меня в любую секунду». То есть у них на вас есть компромат?

— Я думаю, что серьезного компромата у них на меня нет, но, чтобы меня растоптать, компромат не нужен. Зачем? Для того чтобы человека арестовать, разве нужно на него что-то серьезное? Нет.

— А вас не предупреждали по поводу ваших высказываний об Украине, о Крыме?

— Нет, по поводу высказываний о Крыме я не получал предупреждений, но я почувствовал, что это негативно повлияло на личное отношение ко мне со стороны людей влиятельных, представителей нынешней элиты.

— А почему? Потому что они по-другому думают или потому что боятся?

— Боятся. Ну зачем связываться со мной, если это несет дополнительные риски. То есть я почувствовал, что моя позиция по Крыму и Украине — это переход за красные флажки, после которого представители нынешней российской элиты уже не считают возможным со мной взаимодействовать.

— Вы расстроились?

— Да. Потому что это, во-первых, сокращает поле моих возможностей. Во-вторых, потому что я сам так не отношусь к людям. То есть я, независимо от того, кто, что, по какому поводу сказал в политической плоскости, не буду делать выводов относительно моего отношения к этому человеку. Я расстроился, но я не жалею, потому что это был мой сознательный выбор, и, раз уж я аналитик, я должен был предвидеть, что такой сценарий был более чем предсказуем.

«Я человек маргинального типа»

— Вы же были учредителем и директором Института национальной стратегии...

— Был. Но остался никем, всё. Я ушел в 2010 году. Институт был достаточно успешным проектом, на пике там было 30 сотрудников, очень хорошие молодые мозги, мы выпустили очень много неплохого продукта, за который мне совершенно не стыдно. В течение 6 лет я финансировал этот институт в достаточно больших объемах за счет моих клиентов, за свой счет, клиентам институт был не нужен, он нужен был мне. То есть моя клиентура пла-

тила оброк на существование института. А потом эти возможности исчезли, и для того чтобы спасти институт, я передал его кремлевским людям. И сейчас он вписан в кремлевскую систему.

— А разве не обидно отдать свое детище кремлевским?

— Ну что обидно, надо реалистично смотреть на вещи. Альтернативой было закрыть институт. Что я мог сделать? Оставить молодых экспертов без средств к существованию?

— А молодым экспертам все равно, на кого работать?

— Нет, им не все равно. Со мной, я думаю, им было комфортнее, потому что там была полная интеллектуальная свобода, и все их труды, которые делались, не были обусловлены ничьими интересами, они не были заказными, в отличие от большинства аналогичных центров, которые работают по заказу. Но такова жизнь. Если бы я был миллиардером, или у меня была бы нефтяная компания, я бы и по сей день сам продолжал содержать этот институт. Увы, не сложилось.

— А если вас, например, Володин пригласит в управление внутренней политики, чтобы вы были консультантом Кремля, — вы согласитесь?

— Нет, думаю, что я не соглашусь. Не потому, что я что-то лично имею против Володина. Это невозможно, потому что им объективно не нужен такой человек, как я. Я и Суркову был совершенно не нужен. Я не борюсь за власть, я не политик, я никуда не прорываюсь. Я говорю, что я маленький человек, и свою маленькую клеточку в этом мироздании, может быть, не в полной мере, но приблизительно осмыслил. Я говорю это без всякой демонстрации, потому что я не вижу для себя там поля для приложения сил. Ну что, мочить оппозицию?

— А если бы это было финансово выгодным?

— Это наверняка было бы финансово выгодным. Но пойти убивать тоже, наверное, финансово выгодно. Нет, это не очень мое. Да, я люблю деньги, конечно, как средство комфорта, но никогда не стану богатым человеком, деньги меня не любят. Именно поэтому, пока я не умру, у меня всегда будут финансовые проблемы.

И кроме того, хочется заниматься какой-то вещью, которая имеет результат. А это не может принести никакого позитивного результата, потому что философия Путина понятна. Я считаю ее ошибочной, но он так не считает, и он будет ей следовать, невзирая ни на какие советы не только абсолютно далеких от него людей типа меня, но даже ближнего круга. Если бы я хотел быть в Кремле, то я мог бы там оказаться, как и другие. Но я давно решил, что мне это не надо, значит, мне это не надо.

Я маргинал. У меня не может быть никакой власти, никакой корпорации. Я человек маргинального типа, я нахожусь на дистанции от этих процессов. И считаю моим главным достижением, что я «от бабушки ушел, я от дедушки ушел»...

Елена МАСЮК,
обозреватель «Новой»

ВЕСТИ

ЖИЗНЬ

Reuters

ЗДЕСЬ!

«ПОД ВЕЩЕСТВАМИ»

Новости о новых отравлениях и гибели молодых людей, покуривших неизвестную смесь, приходят ежедневно из разных городов: Кирова, Сургута, Волгограда. Механизмы борьбы со смертоносными смесями, имеющиеся у государства, — безнадежно устарели. Из «курительной эпидемии» прошлого года выводов не сделано.

Андрею Зайцеву 25 лет. Два года он был спайсовым наркоманом. Бросил в 2009 году.

— Курил на втором и третьем курсе института. Учился на журналиста. Сначала было прикольно: покуришь — и сразу столько мыслей в голове, метафоры разные приходят, рифмы. Спайс действует в два этапа: сначала тебя накрывает, и появляются галлюцинации (я велосипед один раз с дерева пытался достать, его там, конечно, не было). Другой раз — избил ковер у себя дома, потому что мне показалось, что он живой и шевелится. А второй этап — расслабление. Хочется сидеть, тупо смотреть на что-нибудь — можно на пивную банку. В это время появляются всякие мысли. Только их записать не успеваешь: очень лень двигаться.

Андрей курил спайс легально: курительные смеси в то время продавались в табачных ларьках по цене пачки сигарет.

14 января 2010 года Правительство России включило синтетический каннабиноид JWH-018 — основу спайса — в перечень наркотических веществ.

— Спайс стало практически невозможно купить, — говорит еще один бывший спайсовый наркоман — Сергей. — Барыги брались за него очень неохотно: стоит он значительно дешевле, чем марихуана, прибыли на нем особо не сделаешь. А срок мотать придется. Каналов поставок, опять же, стало меньше. В первые два года действия запрета мне удалось

Массовые отравления курительными смесями, так называемым спайсом, стали общероссийской проблемой, есть погибшие

купить смесь только один раз. Я в итоге от спайсов отошел.

Смеси ушли с прилавков, но массово всплыли в интернете.

В 2010—2012 годах рынок спайсов был довольно пассивен. А в 2013-м опять началось. Надписи: «Депрессия? Выход есть. Спайс — тел...» начали появляться на улицах российских городов весной — летом прошлого года. В Москве наиболее известной точкой сбыта стал продуктовый ларек у метро «Динамо». Чтобы купить смесь, нужно было сказать кодовое слово. Тогда благодаря активному освещению проблемы в СМИ и работе активистов, которые буквально ходили по улицам и закрашивали рекламу спайса на асфальте и стенах домов, волну удалось остановить. Но в сентябре этого года спайс вернулся. И в более «злом» варианте.

Глюк с летальным исходом

О новом массовом отравлении курительными смесями стало известно 20 сентября: отравился 151 человек, 4 летальных исхода. Все в Кирове и Кировской области. Действующее вещество — неизвестно.

— Мы дали ему (*веществу*. — **И. Ж.**) кодовое название MDMB (N)BZ-F, — сообщил на пресс-конференции официальный представитель ФСКН Владимир Синельщиков. — На признание данного вещества запрещенным нужно время. Сейчас известно, что в некоторых об-

разцах материала эксперты обнаружили уже известное наркотическое вещество MMB 2201.

— В других регионах случаев отравления этим веществом пока не зафиксировано, — констатировал на той же пресс-конференции заместитель начальника УФСКН по Кировской области Владимир Марков.

Но уже на следующий день стало известно о массовом отравлении спайсом в Сургуте — 170 человек. Затем в Воронеже — 20.

По последним данным ФСКН, в стране 25 погибших от спайса и более чем 3500 отравившихся.

Новый спайс — намного страшнее своих предшественников. Если раньше эффект с галлюцинациями был краткосрочным, а главным было расслабление, то теперь все наоборот. В Москве 34-летняя беременная женщина выбросилась из окна, находясь «под веществами». В Волгограде — тоже беременная — прыгнула со второго этажа. Очевидцы, вызывавшие скорую спайсовым наркоманам, отмечали, что те посреди улицы изображали греблю на лодке.

Некоторые новости о новом спайсе: «23-летний петербуржец лишился рассудка после употребления спайса».

«В Калужской области 16-летний юноша умер от передозировки спайсом».

«В Казани выкуривший спайс семиклассник пытался выброситься из окна школы».

— В наше время такого не было, — говорит Сергей. — Могли быть галлюцинации, но они быстро проходили. И сознание в целом сохранялось: ты понимал, что выброситься из окна — это плохо.

— Спайс не должен убивать, — говорит врач-нарколог Александр Давыдов. — Те вещества, которые наркозависимым поставлялись раньше, не действовали на жизненно важные отделы головного мозга и других органов. Сейчас же мы видим принципиально новые вещества: они наносят необратимый удар по центральной нервной системе. Человек резко сдает в интеллектуальном развитии, фактически становится дебилом. Еще раз повторю: последствия необратимы.

— У употреблявших наркотик наблюдается резкое повышение артериального давления, периодические краткосрочные остановки дыхания, учащенное сердцебиение. Появляется одышка, в результате некоторые употреблявшие спайс пациенты теряют сознание, — рассказал «Новой газете» источник в кировском наркологическом диспансере. — «Отходить» человек может два-три дня. Спайс, который распространялся в прошлом году, «отпускал» за два-три часа.

Кто готовит и распространяет спайс?

На этот вопрос однозначно ответили «Вести недели» с Дмитрием Киселевым: поставляет спайс «заграница», продают — украинцы, куда ж без них (программа от 28 сентября). Однако полицейские сводки говорят об обратном: лаборатории по производству спайса, расположенные в подвалах жилых домов, в квартирах и гаражах, начали находить и закрывать в Татарстане, Пензенской области, Омске — в российских городах и весях.

Продолжение материала
Ивана ЖИЛИНА —
СТРАНИЦА 14 ➤

« Мы видим принципиально новые вещества: они наносят необратимый удар по центральной нервной системе. Человек резко сдает в интеллектуальном развитии, фактически становится дебилом »

↩ СТРАНИЦА 13

«ПОД ВЕЩЕСТВАМИ»

Из заграничных стран, поставляющих спайс в Россию, наиболее часто фигурирует в сводках полиции Китай. Распространением смесей, как правило, занимаются молодые люди в возрасте от 20 до 35 лет, социально неблагополучные или же просто стремящиеся заработать. Например, в Котельничском районе Кировской области распространением спайсов занималась семейная пара. А в Воронежской основным дилером оказался 22-летний житель Новой Усмани. Безработный. Полицейские изъяли у него 854 грамма курительной смеси. Цена одного грамма в зависимости от региона — от 700 до 3000 рублей.

Схема распространения курительных смесей проста: распространитель размещает на городских столбах и досках объявлений рекламу с надписью: «Спайс» и контактом — номер icq (интернет-мессенджер) или любой другой интернет-адрес. Затем, когда поступает заказ и через интернет производится предоплата, дилер оставляет смесь в условленном месте. Как правило, это места, где нет видеокамер: клумбы в частном секторе, электрощитки в подъездах пятиэтажек.

Путь товара от производителя к покупателю бывает разным. В городе Заречном Пензенской области 9 октября был задержан 30-летний местный житель, который организовал лабораторию по производству спайса в помещении торгового павильона. Задержанный мужчина оказался одновременно и продавцом смертельного зелья. А в Кирове полицейские столкнулись с многоуровневой схемой распространения смеси.

— 27 сентября был задержан 28-летний Нод Денис Сергеевич, — говорит руководитель УМВД по Кировской области Сергей Солодовников. — Он, по сути, являлся ответственным лицом по Кировской области и под icq-адресом в интернете числился как гражданин Игорь Парфенов. В icq он сообщал, где и в каких закладках находится вещество. Другие получали это вещество и распространяли по области. Сам Нод поясняет, что данное средство он получил в Москве от другого гражданина и с целью сбыта прибыл в Кировскую область.

Где находится конец этой цепочки, еще предстоит выяснить.

Ответственность и борьба

— Привлечь к уголовной ответственности по ст. 228.1 УК РФ («Производство и сбыт наркотических средств») распространителей спайсов довольно трудно, — рассказал «Новой» источник в ФСКН. — Формула отравляющих веществ постоянно меняется, а механизмы государства довольно неповоротливы: появляется новый вид спайса — мы включаем его в перечень запрещенных веществ. Потом появляется новый вид спайса — мы опять его запрещаем. И так по кругу. Торговцы курительными смесями, которые еще не запрещены, привлекаются к уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ («Производство, хранение и сбыт товаров, не отвечающих требованиям безопасности жизни и здоровья»). Но максимальная санкция этой статьи на 5 лет ниже, чем у «наркотических», — 10 лет лишения свободы против 15 лет. В нынешней системе получается, что первый шаг — всегда за наркотиком. Прошлогодняя волна отравлений была

тоже довольно массовой, но никаких новшеств в методах борьбы со смесями не появилось. Сейчас ФСКН предлагает правительству внести в список запрещенных в России не только обнаруженное в спайсе вещество, но и его производные. Этот шаг действительно может быть эффективен. Но его надо было делать, разумеется, раньше.

Свои предложения по борьбе со спайсом вносят и гражданские активисты.

— В Нижнем Новгороде нас пятеро, — говорит уличный борец с наркотиками Денис Шарьгин. — Каждый вечер после работы мы с друзьями выходим «на маршрут»: ходим по городу с баллончиками и закрашиваем объявления о продаже спайсов. Недавно у нас появилась идея, как бороться с распространением спайса через интернет: мы написали письмо в Роскомнадзор с просьбой закрыть несколько сайтов, предлагающих смеси. Ответа нет. Сайты работают.

Странное заявление

6 октября в Москве на встрече глав субъектов РФ и руководителей министерств, входящих в Государственный антинаркотический комитет, глава Госнарконтроля

P.S. 26 сентября, когда волна массовых отравлений спайсом наблюдалась лишь в Кировской области, местные СМИ распространили новость: «Работу кировских полицейских проверят из-за массовых отравлений курительными смесями». Проверку, согласно сообщениям СМИ, назначила областная прокуратура. Выдвигалась версия о крышевании полицейскими спайсового бизнеса.

Спустя две недели после этого известия корреспондент «Новой газеты» решил позвонить в прокуратуру — узнать, как идет проверка. Звонил девять раз. Трубку никто из сотрудников пресс-службы не поднял. Тогда было решено позвонить в пресс-службу УМВД по Кировской области.

— К сожалению, мне ничего об этой проверке не известно. Меня лично никто не проверял, — сообщила корреспонденту заместитель руководителя пресс-службы УМВД Елена Лучинина.

Иван ЖИЛИН,
соб. корр. «Новой», Киров

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ

Мэр Екатеринбурга и основатель фонда «Город без наркотиков» — о пути спайса к потребителю и об изменениях в законодательстве, необходимых для борьбы со смесями.

Евгений
РОЙЗМАН:

«Нужна новая концепция борьбы с такими наркотиками»

жаргоне называется «солями». Эти наркотики много лет везли из Китая, но, насколько я понимаю, сейчас схема поставок работает несколько по-другому. Жители приграничных с Китаем регионов, завязанные на теме наркотиков, ездят в Поднебесную за покупками. Покупают ингредиенты, каждый из которых по отдельности не запрещен. Так их перевозят через границу. А уже здесь, на местах, из этого изготавливаются курительные смеси.

— Существует ли какая-то крупная организованная спайсовая мафия, или распространением спайсов занимаются наркоторговцы-одиночки и некрупные преступные группировки?

— Насколько я понимаю, схема довольно-таки централизована и, опять же, завязана на Китай.

— Известны ли вам примеры успешной борьбы со спайсом на уровне государств? Какими методами обусловлен успех?

— В принципе нельзя сказать, что в России со спайсом борются плохо. Что касается перекрытия каналов поставок, особенно крупных, то здесь у ФСБ и ФСКН немало успехов: каналы перекрываются регулярно. Но поймите для себя одну вещь: торговля наркотиками существует только при прямом покровительстве или при попустительстве. И у России здесь особые проблемы: ведь вся эта отравка появилась на рынке еще в 2004 году. А запретили мы ее только в 2010-м. Потеряли очень много времени. Второе: даже сейчас в тестах на наркотики для школьников спайсов нет. То есть мы проверяем их на классические наркотики: марихуану, опиаты, а на эту довольно популярную штуку — нет.

Далее: в стране отсутствует государственная система реабилитации таких наркоманов. Нет закона, предус-

матривающего уголовную ответственность за употребление курительных смесей. На самом деле, чтобы серьезно сбить эту волну, нужно принять два закона: закон об уголовной ответственности за употребление смесей и закон о принудительном лечении. По типу американских наркосудов, где задержанным за нетяжкие преступления, связанные с наркотиками, предлагают выбор: либо идти в тюрьму — либо идти лечиться. Схема должна быть такова: закон об уголовной ответственности за употребление создает серьезное давление, суды — направляют на принудительное лечение, и открываются при этом широкие ворота медико-социальной реабилитации. Но для этого, опять же, государству потребуются создать сеть специализированных клиник по стране.

Ну и конечно, во время таких эпидемий определенный героизм надо проявлять на местах. Начальником УФСКН в Екатеринбурге с 2007 по 2011 год был генерал Сергей Гапонов. У него был интересный подход к борьбе со спайсом. Изымалась, например, партия еще не запрещенного вещества. Он просил доставить ее себе в кабинет. Потом суд да дело — приходят к нему адвокаты тех, у кого изъяли спайс, говорят: «Отдавайте. Это разрешенные вещества». Он им: «Не отдам. Это не разрешенные вещества, а пока по какой-то причине не запрещенные. Хотите получить назад — идите в прокуратуру». Адвокаты идут в прокуратуру. Прокурор звонит Гапонову: «Верните партию». Гапонов: «А вы письменное поручение напишите». Письменного поручения, естественно, не следовало. Наркотики никуда не уходили.

И. Ж.

— Как спайсы попадают в Россию: производятся ли они в основной своей массе здесь, в РФ, или же поступают из-за рубежа?

— Для понимания: те спайсы, которые употреблялись в России раньше, имели формулу JWH — C₂₄H₂₃NO. Новые спайсы имеют формулу MMB. Это то, что на

В Сочи завершилась «Формула-1», которую посетили 65 тысяч гостей. Победные реляции, бодрые телерепортажи, разноцветные флаги и прочие праздничные атрибуты мегапроекта в очередной раз оказались подмоченными сочинским ЖКХ. Конечно, к Олимпиаде были построены новые очистные сооружения, проложены дороги. Но коммунальное хозяйство города разрушалось так долго, что даже за счет олимпийского «бюджета» восстановить его не удалось. Поэтому есть два Сочи: один — это гигантские праздники для приезжей публики; второй — это текущие в реки и море отходы, села без воды и газа и люди, которым не до этих праздников.

Трубы для коллектора, видимо, просто забыли закопать

Огонь, вода и канализационные трубы

Закончилась Олимпиада, отшумели фанфары «Формулы-1», а город по-прежнему сбрасывает нечистоты в Черное море

Поселок Вардане

Нечистоты льются в речку из трубы, торчащей на обрыве. Трубу вроде как спрятали, но ее выдает тошнотворный запах. У противоположного берега река Буу естественного зеленоватого цвета, а вокруг трубы — белесая и безжизненная. Ниже по течению дно в каких-то лохмотьях, похожих на серую вату: это содержание белесой жидкости, так сказать, в концентрированном виде. А на берегу, прямо за трубой — очистительные сооружения, которые, судя по виду, помнят еще Хрущева. Из них в реку и льется нечто гнилое.

— Когда дождь, они еще и другую трубу включают, из бассейна, — рассказывает местная активистка Любовь Ковалева.

Мы идем вдоль речки, переступая через кучи навоза. Бассейн около очистных сооружений действительно есть, а в нем — жидкая серая масса. Очистные сооружения строили в расчете на две близлежащие пятиэтажки, школу и столовую, так что современный поселок Вардане они обслужить уже не могут. Видимо, поэтому на улице Молодежной содержимое раковин сливается прямо в канаву, идущую вдоль улицы. Сочи, XXI век.

Участок семьи Калибабчук на улице Львовской расположился на берегу ручья. В нем течет все, за исключением воды. Слить так, чтобы никто не нашел твою трубу, — сочинский фирменный стиль. Гофрированные шланги на берегу ручья уходят в непролазное сплетение проволочных заборов и бамбука. «То ли местный кемпинг льет, то ли строители. Тут не определишь», — разводит руками Виктория Калибабчук.

Красная Поляна

Если жителям поселка и была выгода от Олимпиады, то это новые дороги. Тут вопросов нет. Вопросы есть по поводу газа. И если о газификации Имеретинки говорил Путин, то Красной Поляне газ обещал сочинский мэр Анатолий Пахомов. Было это в 2010 году, потом в

2012-м, потом в прошлом августе. Но газа все равно нет.

Впрочем, если по трубам пустить газ, это решит проблему лишь наполовину. Потому что за подвод газа к дому надо платить из собственного кармана. «Один только проект обходится в 70 тысяч, плюс подключение — тысяч 200, — погибает пальцы местная жительница Наталья Колосюк с улицы Турчинского. — Мы сейчас пока канализацию подводим, за проект отдали 40 тысяч и за подключение — 8. Это всего-то за 3 метра канализационной трубы».

На соседней улице Гидростроителей ругают электросети. Отец семейства, Иван, объясняет: «Либо электрочайник надо включать, либо стиральную машину. Если вместе — то пробки выбивает». Дело в том, что краснополянам сейчас установлен лимит: не больше 5 киловатт на один дом. Олимпиада ведь прошла.

Расходовать электричество в Красной Поляне не на что: многочисленные отели стоят полупустые. На условиях анонимности беседую с одним из управляющих. Причины нынешнего состояния ЖКХ он объясняет необычно, но интересно: «В Красной Поляне четыре курорта, и на каждый туристу нужно покупать отдельный билет. А на любом мировом курорте покупаешь единый Skypass на все подъемники, это для туриста удобнее. Раз тут этого нет, туристы едут неохотно. А потому и развивать электросети стимула нет. Для кого? Для местных жителей, что ли? Не смешите меня».

Мацеста

Новый вокзал строили к Олимпиаде. Это и вправду круто: темно-коричневое стекло, пять входов с автоматическими дверями, высокотехнологичные системы сканирования. Только ничего не работает, двери закрыты. На выходе с вокзальной площади навалены куски бетона вперемежку с колючей проволокой и остатками железных конструкций.

До Олимпиады пройти с моря в поселок можно было мимо станции по мосту и далее через рощу. Но к Играм мост

перекрыли огромным железным щитом, и теперь выйти можно лишь через турникеты, мимо видеокamer и охраны. Олимпиада сделала Сочи полувоенным городом, где закрыто и перекрыто все что только можно, включая пляжи и леса. После Олимпиады все должны были открыть заново. Не открыли.

Ахштырь

В этом селе сошлись все проблемы. И ахштырцы чувствуют себя обманутыми. До 2010 года в колодцах была вода, а потом рядом стали строить авто- и железную дорогу Адлер — Красная Поляна. С тех пор воды нет, ее привозят автоцистернами. И ровно с тех пор сочинский мэр Пахомов обещает воду провести.

Трасса идет вдоль села. Несколько лет ахштырцы требовали сделать выезд из села на трассу, но, увы: чтобы выехать, нужно сделать крюк 7 километров. Ничего не досталось и пешеходам. Перед Олимпиадой воронежский институт «Гипрокоммундортранс» предлагал проект подземного перехода под трассой. В итоге ни перехода, ни даже «зебры», а разрешенная скорость здесь 110 км/ч.

Чтобы сельские дети безопасно добирались в школу, сочинская мэрия к Олимпиаде выделила им «Газель». Но уже больше месяца она не ездит, и детей ахштырцы возят сами, каждый день организуя несколько машин до школы и обратно. «В обе стороны 50 километров получается, — рассказывает Сергей Матусян, у которого дочь учится во втором классе. — Если машина ломается, дочь в школу не едет».

Все последние годы решить проблемы села пытался староста Александр Коропов. Именно он перед Играми возил в Ахштырь иностранную прессу, рассчитывая на силу гласности. Игры закончились, пресса уехала, а Коропова теперь лишают земли. Разбираюсь в документах: в 1992 году постановлением сельсовета ему выделили 28 соток, о чем есть запись в похозяйственной книге сельсовета и в кадастровом паспорте участка. Но, составляя постановление, секретарь

ошиблась и вписала 0,21 га вместо 0,28 га. Поэтому оформлять землю Коропова отправили в Адлерский районный суд. А тот в оформлении отказал.

Есть и другая напасть. Аккурат перед Олимпиадой земля Коропова вдруг оказалась в границах Сочинского национального парка, хотя несколько лет назад относилась к Нижнешиловскому сельскому поселению. Разбираться в этих метаморфозах должны правоохранительные органы, но веры им тоже нет. Как рассказывает Александр Коропов, во время строительства дороги Адлер — Красная Поляна его вызывали в ФСБ, где был некий генерал из Краснодар. Генерал интересовался, кому и как выделяли местную землю, идущую вдоль железнодорожного полотна? Александр заодно рассказал генералу о случаях, когда землю незаконно выделили в других местах Ахштыря. Чекист попросил написать заявление на имя начальника ФСБ РФ, что староста и сделал, собрав подписи других сельчан. Но заявление в итоге спустили в прокуратуру Адлерского района, а та отписалась: мол, нарушений не установлено».

Имеретинская бухта

Путин открыл здесь газопровод еще в июне 2011 года. «Снимаются инфраструктурные, энергетические ограничения на строительство жилья, объектов инфраструктуры для тех людей, которые живут на этой территории», — заверил Владимир Владимирович телезрителей. Прошло три с лишним года, но газа у местных жителей нет. С водой тоже неразбериха. Лидия Афанасьевна Полянчикова с улицы Старошкольной объясняет мне: все последние годы она платила за водоснабжение «Сочиводоканалу». Теперь приходят платежки от «Курганинского группового водопровода». Причем оплатить надо начиная с 23 декабря прошлого года. Но ведь этот период жители уже оплатили, в том самом «Сочиводоканале»!

Летом воду отключали в селе Некрасовке и поселке Таврическом. Возмущенные жители собрали сход и пригласили чиновников. Выяснилось: при подготовке к Олимпиаде были построены новые очистные сооружения в Адлере, Красной Поляне и Бзугу. Но все это, мягко говоря, недоделали, и потому очистка стоков шла чуть ли не вручную. Не желая содержать это убыточное хозяйство, «Сочиводоканал» от него отказался. После чего краевая администрация нашла ГУП «Курганинский групповой водопровод». Но местных об этом не предупредили. И как теперь вернуть им платежи, никто не знает.

Если в других частях Сочи недоделки еще можно как-то объяснить, то Имеретинскую бухту, где была собственноручно Олимпиада, должны были вычистить, вылизать и достроить. Но на улице Цимлянкой по-прежнему стоят синие строительные заборы, суется рабочая пыль. Другая картина около Олимпийского парка. На железнодорожной станции сверкает мрамор, продают кепочки по 1700 рублей и Путина-матрешку за 650. По улицам вдоль новых отелей гуляет народ. Кто-то сидит в кафе с планшетом, кто-то катается по новой набережной на двухколесном электросамокате. Это гости и участники «Формулы-1», трассу для которой недавно построили между олимпийскими дворцами. Еще несколько лет назад здесь было тихое сельское место, с полями, коровами и открытым пляжем. А теперь — фешенебельный курорт и все эти веселые граждане, искренне верящие, что история Имеретинки начинается с них.

Евгений ТИТОВ,
соб. корр. «Новой», Сочи
Фото автора

Ранней весной этого года толпы жителей Крыма ежедневно ходили на митинги с требованием проведения референдума о присоединении Крыма к России. Ирония этой ситуации заключается в том, что в самой России референдумы практически невозможны. Наконец они получили то, что хотели: 16 марта референдум фактически состоялся. Это был один из тех трагикомичных моментов в истории, когда сатирический заголовок статьи в американском журнале *Opinion* «Воодушевленные крымские избиратели делают свой последний демократический выбор» оказался пророческим.

ЭКОНОМИКА ДОЛЖНА БЫТЬ...

Независимо от политических взглядов все крымчане пострадали от экономической и правовой неразберихи, которая явилась логическим следствием спешности. Череда проблем, нестыковок и просто дикость происходящего превратили жизнь в идиллических курортных городках на берегу моря в кафкианский кошмар.

Крым по-прежнему в значительной степени зависит от поставок из Украины практически всех основных материалов, продовольствия, воды и электроэнергии. Исключением пока стали нефтепродукты, которые привозят из России напрямую танкерами в порт Феодосии.

Поступление днепровской воды в Северо-Крымский канал перекрыто еще весной, и в Северном Крыму в этом году на урожай зерна, фруктов и овощей, а тем более на рисоводстве и разведении пресноводной рыбы поставлен крест.

Украина обеспечивает 80% потребляемой Крымом электроэнергии. Но Киев, имеющий собственные энергетические проблемы, в частности, с российским газом, начинает, в свою очередь, урезать лимит поставок электроэнергии.

Большая часть свежих продуктов на рынки и в супермаркеты Крыма по-прежнему доставляется из Украины. Теми же фруктами и овощами полуостров не способен обеспечить себя самостоятельно, и даже отсутствие туристов не меняет положения — своей еды крымчанам все равно не хватает. Несколько молочных заводов работают в значительной степени на привозном сырье, мясные и колбасные производства еще больше зависят от Большой земли. Молдавский виноград, полтавские яблоки, херсонская «молочка» — неизменные атрибуты крымского стола. Масло, крупы, сахар и консервы в основном приходят из Украины. В настоящее время все больше продуктов, особенно с длительным сроком хранения, импортируется из России, где оптовые цены на многие товары выше розничных цен в Украине.

С июня, когда Крым за один день перешел с украинской гривны на российский рубль, цены на еду выросли в среднем на 50%. Сыр и рыба подорожали в два раза относительно начала лета, пиво и водка — в три. Это очень тревожный сигнал для любого политического лидера на постсоветском пространстве.

Для некоторых категорий жителей полуострова повышение цен было компенсировано увеличением пенсий, а врачам, учителям и военным служащим ощутимо повысили зарплату, но покупательная способность большинства крымчан при этом существенно упала. На рынках и в магазинах Крыма цены продолжают расти.

Непреодолимый пролив

Ввоз любого товара на полуостров является почти геополитическим вызовом. Крым не связан напрямую с Россией, а несколько паромов на переправе через Керченский пролив положения не спасают. С целью повышения пропускной способности Керченской переправы в курортный сезон она перевозит только легковые автомобили или автобусы. А большие грузовики попадают в Крым паромом из Новороссийска через Феодосию. Там очередь может достигать двух недель.

Завозить что-либо из Украины не намного легче. 27 сентября Киев, вынужденный обозначить границу с Крымом,

который он считает оккупированной территорией, но не желающий, чтобы эта граница стала международной, объявил полуостров зоной свободной торговли.

Начиная с октября для любых товаров, ввозимых на полуостров или вывозимых на «материк», украинская сторона требует таможенного оформления. Тем самым значительно усложняется любая коммерческая деятельность и удлиняются сроки поставок, а это, в свою очередь, приводит к сильному росту стоимости всех товаров. А ведь скоро и Россия введет собственные таможенные требования...

Основные кредитные карты, такие как Visa, Master Card или American Express, не принимаются к оплате в магазинах и не обслуживаются терминалами крымских банков. Интернет-банкинг и интернет-магазины стали для жителей Крыма недостижимой роскошью.

Абсурд ситуации подчеркивает появление в Севастополе в мае парома «Капитан-лейтенант Казарский» с 20 банкоматами украинской «дочки» Сбербанка России на борту. Севастопольцам предложили подниматься на палубу и там, уже не на территории Крыма, совершать в банкоматах денежные операции. То есть, чтобы избежать санкций, банкиры изобрели своеобразный финансовый дьюти-фри, находящийся, как и магазины беспошлинной торговли, в экстерриториальной зоне.

Спешность породила и еще одну правовую коллизию. Все граждане Украины, проживающие в Крыму, стали автоматически гражданами России, если они не задекларировали решение отказаться от российского гражданства в течение одного месяца. Три с половиной тысячи крымчан подали эти заявления,

Булочки с Крымом

Полгода полуостров живет по-российски. Этой жизни трудно подыскать точное определение

Украина и Россия все меньше сотрудничают. Наоборот, каждая сторона вносит свой вклад в череду бюрократических кошмаров. Владельцы автомобилей в Крыму, например, обязаны заменить украинские номерные знаки на российские, но автомобили при этом остаются на украинском учете, с которого российские гаишники их снять не могут. И если кто-то рискнет на такой машине отправиться на материковую Украину, то первый патруль украинской ГАИ, пробив автомобиль по компьютеру, отправит его на штрафстоянку — ведь номер кузова по украинской регистрации не совпадет с номерным знаком машины.

Кадастром недвижимости Украина с Россией тоже не делится. Российским покупателям недвижимости, которые хотят воспользоваться ситуацией и купить дом на Южном берегу Крыма подешевле, придется платить наличными, получать пакет документов, удостоверяющих права предыдущего владельца на дом, и надеяться, что они смогут в будущем оформить свои права на это выгодное приобретение. С марта в Крыму юридически оформлены буквально считанные сделки с недвижимостью, причем Украина правомочность подобных сделок не признает.

Большинство финансовых операций оплачивается наличными, потому что вместо 80 банков международного уровня, которые работали в украинском Крыму, сейчас здесь работают не более 10–15 малоизвестных кредитных учреждений, которые не опасаются попасть под санкции Евросоюза: например, РНКБ или Генбанк.

несмотря на трудности в переполненных отделениях, которых было открыто всего пять на весь Крым.

Тем не менее российские власти оказались не готовы к тотальной паспортизации населения Крыма и не успели изготовить бланки новоиспеченного региона, которому спешно присвоили номер 82. В результате жители полуострова стали получать паспорта с кодами других регионов Российской Федерации, но с крымской пропиской. Такие гибридные документы вызвали подозрение у банковских менеджеров и посольских чиновников. Владельцам таких паспортов уже отказывают в банковских кредитах и визах.

Есть еще одна большая проблема — решение Москвы с июля этого года о квоте в 5,4 тысячи «иностранных», которым будет разрешено иметь вид на жительство в Крыму. В связи с более мягким законодательством Украины многие люди, постоянно проживающие на полуострове и имеющие здесь недвижимость и работу, зарегистрированы в других областях Украины. Никаких проблем с украинскими властями по этому поводу у них не было. Сейчас они оказались вне закона, даже если родились в Крыму и регистрацию поменяли по сиюминутным причинам. Также вне закона оказались тысячи вернувшихся на родину крымских татар, которые не успели зарегистрироваться, и студентов, выехавших на учебу в вузы других областей Украины. Эти люди не смогут ни получить российский паспорт, ни попасть в столь мизерную квоту.

Ненасильственное сопротивление

Москва не нуждается в указах или законах, чтобы поступать так, как хочет, — это видно по тому, как новые российские власти обращаются с крымскими татарами, которые составляют примерно 13% населения полуострова.

С большой вероятностью можно утверждать, что крымские татары не участвовали ни в мартовском референдуме, ни в выборах в Госсовет Крыма и в органы местного самоуправления 14 сентября. Российским властям такое поведение по меньшей мере не нравится. Бойкот крымскими татарами референдума и выборов был самым дерзким вызовом российским властям во время, казалось, совершенно безоблачного процесса присоединения Крыма. Сплоченная крымско-татарская община имеет давние традиции ненасильственного сопротивления.

Бесспорный лидер крымских татар Мустафа Джемилев, народный депутат Украины, первый председатель межлиса крымских татар, проведший много лет в советских тюрьмах и лагерях за свою политическую активность, так высказался о присоединении Крыма: «Это акт политического бандитизма, который происходит среди бела дня в самом центре Европы». Эти слова Джемилев произнес в Киеве, где сейчас живет, потому что крымские власти запретили ему на пять лет въезд в Крым (тот же запрет настиг и нынешнего главу межлиса Рефата Чубарова, теперь он председательствует на заседаниях межлиса с помощью скайпа). Российские власти запретили Джемилеву не только въезд, они пошли дальше и запретили его книги, включив их в список запрещенной литературы, состоящий из более чем 2000 наименований.

Власти не разрешают проведение общественных мероприятий крымских татар, как правило, под смехотворными предлогами. Годовщину депортации, которую крымские татары ежегодно отмечали 18 мая в центре Симферополя многоты-

« Все больше продуктов, особенно с длительным сроком хранения, импортируется из России, где оптовые цены на многие товары выше розничных цен на Украине

Март 2014-го.
Из порта —
в Феодосию

Reuters

счанным траурным митингом и на котором обязательно выступали украинские политики национального уровня, запретили проводить буквально за пару дней до траурной даты, заявив, что «это опасно», хотя в этом году исполнилось 70 лет со дня трагического события. Проведение 23 августа Дня памяти жертв сталинизма было запрещено, потому что в Крыму стояла жаркая погода, хотя накануне, в День российского флага, пророссийским активистам эта жара не помешала развернуть на площади Ленина в Симферополе 18-метровый российский триколор.

Регулярные обыски, проводимые вооруженными полицейскими с помощью ОМОНа и сил «самообороны» в крымско-татарских школах, мечетях, общественных центрах, в домах и в фирмах, принадлежащих крымским татарам, под предлогом поиска оружия, взрывчатки и запрещенной литературы, сеют панику среди крымско-татарского населения. В середине сентября, перед выборами, которые крымские татары собирались бойкотировать, здание медресы в Симферополе было раскрашено оскорбительными граффити, вдобавок со здания неизвестные сорвали флаг Украины (единственный украинский флаг, вывешенный в Крыму). Через несколько дней это же здание окружили полиция и спецназ и выкинули на улицу сотрудников и журналистов. На следующий день 15 судебных приставов прибыли, чтобы арестовать имущество и банковские счета медресы и «Фонда Крым».

В бредовой ситуации оказался крымско-татарский телеканал АТР, который дотошно освещал все перипетии борьбы властей с медресой. Руководство телеканала получило предупреждение от центра МВД России по борьбе с экстремизмом, в котором сказано, что телеканал «упорно закладывает мысль о возможных репрессиях по национальному и религиозному признаку, способствует формированию антироссийского общественного мнения, преднамеренно разжигает среди крымских татар недоверие к власти и ее действиям, что косвенно несет угрозу экстремистской деятельности». При этом сотрудники МВД потребовали предоставить регистрационные документы телеканала АТР, договоры аренды помещений и подробную информацию о сотрудниках телеканала.

Крымско-татарские СМИ являются главным объектом давления на прессу, но основные нарушения свободы слова в Крыму не имеют национальной окраски. Многие крымские журналисты покинули полуостров. Центр журналистских расследований, один из самых компетентных и независимых информационных ресурсов, прекратил работу на территории полуострова, когда в помещении, которое он арен-

довал частной Черноморской телерадиокомпания, ЧТРК (в народе ее называют «Черноморка»), были проведены обыски, изъята вся аппаратура, а само помещение опечатано под предлогом финансовых претензий. Руководителю центра и ведущим журналистам пришлось уехать в Киев. Полностью парализована в Крыму работа независимых интернет-ресурсов «События Крыма» и blackseanews.net, они продолжают работать на территории материковой Украины.

В течение полугода несколько крымских, украинских и зарубежных журналистов подверглись нападениям, некоторые были избиты и даже похищены. Особенно много подобных случаев произошло в марте, счет нападениям шел на десятки. В результате журналисты или приняли правила игры крымских властей, или уехали, спасаясь от преследований, так что можно считать информационное пространство Крыма идеально «зачищенным».

Мировое сообщество против

Более полугода Автономная Республика Крым, которая еще недавно официальной Москвой однозначно признавалась неотъемлемой частью Украины, теми же политиками провозглашается исконной российской территорией. Эта ситуация отрицательно воспринимается значительной частью остального мира, и наложенные на Россию санкции вряд ли будут сняты, даже если окончательно прекратятся военные действия в Восточной Украине.

Но разногласия по поводу статуса Крыма — это не просто спор между двумя постсоветскими государствами. На карту поставлено доверие двух ведущих западных демократий — США и Великобритании. Эти страны вместе с Россией гарантировали территориальную целостность Украины в Будапештском меморандуме 1994 года; взамен Украина отказалась от ядерного оружия. Если буква или дух документа будут преданы, другие государства, обладающие ядерным оружием, дважды и трижды подумают, прежде чем отказаться от него в обмен на любые международные гарантии.

Голосование по резолюции ООН о признании результатов референдума 16 марта в Крыму недействительными было ясным: 100 государств, среди которых большинство ведущих мировых держав, поддержали резолюцию, 11 проголосовали против и 58 воздержались...

Тереза БОНД —
специально для «Новой»
Крым

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Поверх схватки

Санкции и искусство — две вещи несовместные, решили участники дискуссии в рамках фестиваля «Балтийский дом»

Одним из программных жестов международного театрального фестиваля «Балтийский дом» стал круглый стол «Театр без санкций», соединивший практиков и теоретиков в едином стремлении — сохранить неразорванным единое пространство искусства, уберечь его от превратностей политики. В чем верный баланс взаимовлияния политики и культуры? Как не нажить врагов и сохранить друзей? Как санкции сказываются на личной ответственности творца? Все это — насущные вопросы театра, стремящегося жить не в своем углу, а в большом мире.

Идея обсуждения и в целом — формулировки проблемы — принадлежит Сергею Шубу, директору театра-фестиваля «Балтийскому дому» будет 25, и его организаторы впервые ощутили: перспективы фестивального движения смутны, а смута ближе к его границам, чем когда-либо.

— Свои границы — нашего культурного государства, — сказал Шуб, — мы должны охранять до последнего «солдата».

Что ж, справедливо. Но культура не место границ, она — пространство безграничности. При этом новая реальность складывается из мелких осколков внезапно недружелюбного целого: среди тридцати пяти языков, на которых популярный европейский фестиваль приветствует участников, впервые нет русского «Добро пожаловать!»; один из лауреатов «Балтдома» отказался приехать, мотивировав отказ доводом «наши власти меня не поймут», некая руководительница петербургской культуры не рекомендует встречаться с западными партнерами «в определенных форматах». Грустным скандалом стало решение российского МИДа «по Алвису Херманису»: звезде латвийской режиссуры отказано во въезде в Россию; в ответ Херманис сказал, что отныне не хочет иметь ничего общего с русскими театрами. В этом году не состоится новый, только что рожденный фестиваль Льва Додина. Причина: «из-за сложной геополитической обстановки». Недаром Януш Вишневский, писатель и ученый, горько сокрушался о том, что поляки отказались от Года русской культуры, теперь и русские не получают Года культуры польской. Ведь ради этого, сказал Вишневский, немало людей специально выучили русский.

Впрочем, граница проходит вовсе не между художниками, русскими и западными. Иногда — вдоль. Деятели культуры расколоты по признаку зависимости и независимости от государственных денег.

Заострим тему: если одни художники в моменты кризиса ассоциируют других художников с властью, возможно, это происходит потому, что эти «другие» живут на деньги режима, то есть госбюджета.

— Вы говорите — у нас государственное финансирование и мы ничего не можем сделать. Но хоть попытайтесь! — воззвал к коллегам Оярс Рубенс, директор Национального театра Латвии. — Что власти вам делают — застрелят?! У нас перспективные контракты с «Балтийским домом», Александринским театром, Гоголь-центром. И когда Херманису запрещают въезжать в Россию, и никто из

России его не защищает, мне становится больно...

Культура в России (возможно, потому что во главе страны многие десятилетия стоят люди, генетически ей чуждые), несмотря на мировое признание, остается розочкой на торте, так и не сумев выйти в «приоритетные направления развития».

— Я об этом могу говорить без остановки! — захлебываясь эмоциями, сказал один из приглашенных.

Вот этого как раз и не надо! В XXI веке пора переходить к созданию собственных правил культурного бытия. Да, отними у театров и фестивалей государственное финансирование — и возникнут дыры, которые не залатаешь никакой доброй волей. Но существование на государственные деньги не обязательно должно означать полную и безоговорочную поддержку властей этого самого государства. Пора развести временщиков (сегодняшнюю власть) — и государство как стратегического партнера в отношениях с культурой на все времена. Для этого нужен закон о ней.

Яков Гордин, писатель и историк, заметил, что подлинный человек культуры должен выступать, как считал Ромен Роллан, «поверх схватки», не заражаясь политическими страстями: «Смешно сегодня убеждать, что разрыв культурных связей убийствен, что культурная изоляция — это моральная и творческая деградация». Гордин заметил, что воздействие культуры часто проявляется не во время конфликта, а после, когда нужно снимать озлобленность и противостояние; тогда политики вынуждены обратиться к помощи культурного сообщества, к тем, кто и в трудные времена не разрывал рук...

Люк Персеваль: «Мы живем во время манипуляций, внутри черно-белого кино. Я был рад, что репетировал с русскими актерами «Макбета», когда зашла речь о санкциях, и мог с ними обсуждать все вопросы. Я решил, что это неправильно: не ехать, не работать в России! Наш «Макбет» сейчас поедет в Берлин и Гамбург, и там мы еще поговорим о русско-германских отношениях; мы должны делать все возможное, чтобы диалог не прерывался».

А ведь Салтыков-Щедрин никогда не уходил из российской провинции, заметила Надежда Алексеева, режиссер и продюсер из Великого Новгорода. Там, где многое зависит от местной власти, «санкции» имели место всегда. Местная власть мобильна, агрессивна и быстро захлопывает все двери. Политика влияния государственного мышления огромна — только что-то сказал министр Мединский, а в маленьких городах уже возникло стремление подогнать всех под один размер. Новое целеполагание связано с кличем «наших быт»...

Санкции и искусство — две вещи несовместные, и практики театра не готовы согласиться со статусом «досуговой организации», до которого театр низводит цензурные и геополитические ограничения. Как строить культурный диалог в период отчуждения? Диалог — дело театра, и он должен быть выстроен талантливо и честно.

Марина ТОКАРЕВА,
обозреватель «Новой»

Покровская база сегодня

От Покровской базы до спальных районов Бирюлева — полтора километра «буферной зоны»

Кто «заказал» Покровскую базу?

О коммерческой составляющей «бирюлевского погрома»

Наутро после появления на сайте «Новой» публикации «Итоги «бирюлевского погрома» в редакцию позвонили из ЗАО «Новые Черемушки» и пригласили посетить Покровскую плодоовощную базу, пообещав ответить на любые вопросы. Мы приняли приглашение и отправились в Западное Бирюлево.

Признаюсь, меня больше всего интересовали закулисные подробности, предшествовавшие убийству на юге столицы 25-летнего москвича Егора Щербакова. Это, по сути, бытовое преступление фактически и стало детонатором вроде бы стихийного бунта «местных жителей» против «распоясавшихся понаехавших», финалом которого стал разгром Покровской базы.

База управляется ЗАО «Новые Черемушки». Помимо Покровской базы в холдинг входят несколько агрофирм, владеющих 12 тыс. гектаров земли на юге Подмосквья (специализация — молочное животноводство, а также выращивание овощных и зерновых культур), Московский комбинат шампанских вин, оптовый плодоовощной комплекс «Зеленоградский». На доходы, полученные от этих предприятий, сегодня поддерживается в рабочем состоянии Покровская база, которая до закрытия одних налогов ежегодно выплачивала до полумиллиарда рублей в год.

Напомню, Покровская плодоовощная база — это фактически две территории. Непосредственно плодоовощная база, состоящая из нескольких складов, и огромная автостоянка, на которую ежедневно заезжали несколько сот фур. 13 октября прошлого года радикально настроенные крепкие сбитые парни ворвались не на стоянку, что было бы куда более логично, потому что именно там круглосуточно шла бойкая самостийная мелкооптовая торговля прямо с фур. Погромщики сразу направились к комплексу овощехранилищ (см. «Новую газету» от 15 октября 2014 г.).

Так вот, сразу после погрома был закрыт только комплекс овощехранилищ. А около 800 фур, находившихся на

автостоянке 13 октября прошлого года, переехали на другие площадки, где спокойно продолжили работать. Большая часть автомобилей, груженых овощами и фруктами, перебазировалась на стоянки рядом с рынками «Вегета» и «Южные ворота» (местные жители утверждают, что рядом с этим рынком, видимо, совершенно случайно, еще в сентябре, за несколько недель до «бирюлевского погрома», существенно расширили автостоянку).

Мои надежды получить ответы на вопросы о возможных заказчиках «бирюлевского погрома», по всей видимости, использовавших убийство Егора Щербакова как повод для атаки на Покровскую базу, — не оправдались. Руководители ЗАО «Новые Черемушки» рассуждают об этом не захотели, предложив поговорить о сегодняшнем дне и перспективах обеспечения Москвы овощами и фруктами в ближайшие месяцы.

Прошлой зимой закрытие Покровской базы не сильно сказалось на снабжении Москвы овощами и фруктами. Потому что европейские поставщики быстро перестроились и начали работать непосредственно под заказы потребителей. Грузы хранились на европейских овощехранилищах и оперативно доставлялись в Москву, им не требовалось дополнительное хранение, они практически сразу поступали на торговые прилавки.

— До санкций почти 70% овощей в Москве были импортными, фрукты — до 90%, — рассказывают руководители предприятия. — После закрытия нашей базы многие ритейлеры перешли на такую схему работы. Допустим, торговой сети необходимо 10 тонн яблок. Отправлялся запрос в Польшу. Оттуда в течение двух-трех дней приходила фура, и яблоки сразу попадали на прилавки. Сейчас, после введения эмбарго, ситуация изменилась. Основными поставщиками стали южные республики, где совершенно не отлажена логистика по быстрой доставке товаров.

Эксперты Счетной палаты России весьма скептически оценивают перспективы импортозамещения продуктов, попавших под эмбарго. Об этом говорится в 606-страничном заключении ведомства «О федеральном бюджете на 2015 г. и на плановый период 2016 и 2017 гг.».

Юг России, конечно, может обеспечить и всю страну, и Москву овощами и фруктами. Но самая большая проблема — хранение урожая. В стране очень мало овощехранилищ, оборудованных современными климатическими установками. Тем более когда речь идет об огромных объемах. К примеру, у Москвы, по данным столичного правительства, годовая потребность — около 3 миллионов тонн овощей и фруктов.

Почти 1 миллион тонн до октября 2013-го проходил через Покровскую плодоовощную базу.

— 120 000 квадратных метров овощехранилищ — это не просто голые стены, — говорит директор ЗАО «Новые Черемушки» Александр Разуваев. — За последние 10 лет мы вложили большие средства в модернизацию предприятия. Закупили и установили климатические установки, фасовочное и другое оборудование, произведенное в Голландии, Германии, Франции. И сейчас все это простаивает. Хотя именно сейчас надо закладывать на зимнее хранение овощи и фрукты.

Гендиректора можно понять. Фирмы-арендаторы с Покровской базы, поставлявшие уже расфасованные овощи и фрукты в торговые сети «Ашан», «Магнит», «Перекресток», «Пятерочка» и другие, сегодня в большинстве своем уже не работают.

В феврале, по следам октябрьских событий, Чертановский суд Москвы вынес решение: «Запретить деятельность плодоовощной базы, принадлежащей ЗАО «Новые Черемушки». Основанием для столь сурового судебного решения стало представление Роспотребнадзора, который осенью прошлого года проверил практически все плодоовощные базы Москвы. Но закрылась только Покровская. Это притом что Роспотребнадзор на всех проверенных базах выявил десятки нарушений. А на Покровской — шесть. Например, травля грызунов проводится только в цехах, а не по всей базе; в одном из цехов была обнаружена неутрализованная люминесцентная лампа; нет места для сбора мусора...

— Мы пытались объяснить с проверяющими Роспотребнадзора — вспоминает генеральный директор ЗАО «Новые Черемушки» Александр Разуваев. — По тому же пункту сбора мусора, например. Зачем спрашиваем, он нам нужен, если у нас есть договор аутсорсинга с фирмой, осуществляющей вывоз мусора? Ежедневно с базы вывозилось 10-12 фур с отходами, которые загружались непосредственно с хранилищ и других помещений базы... У нас чистота идеальная была. Дважды в день улицы мыли специальным антибактериальным раствором...

Несмотря на то что все выявленные нарушения были устранены, суд запретил эксплуатацию Покровской базы. А какое могло быть решение, если власти сразу после бирюлевских событий заявили, что плодоовощная база будет закрыта? Похоже, что именно под это громкое обещание было возбуждено и уголовное дело. Только не в отношении тех, кто напал на Покровскую базу, а потом во время стычки с ОМОНОм нанес травмы несколь-

ким полицейским. В тюремную камеру отправили председателя правления ЗАО «Новые Черемушки» Магомеда Чурилова и руководителя ЧОПа, осуществлявшего охрану базы, Виктора Котелевского. Им инкриминируется организация незаконной миграции «в составе организованной группы» (п. «а» ч. 2 ст. 322.1 УК РФ).

Напомню: сразу после погрома были задержаны более тысячи мигрантов. В основном — на автостоянке. Но практически все пришлось отпустить. Предъявить претензии удалось только троим — двум гражданам Узбекистана и гражданину Молдавии. Только у троих документы оказались не в порядке. При этом выяснилось, что ЗАО «Новые Черемушки» никоим образом не принимало на работу — ни легально, ни нелегально, выступая всего лишь оператором, сдающим в аренду складские помещения. В самом ЗАО «Новые Черемушки» мигранты не работали, все вакансии были заполнены исключительно гражданами России.

Тем не менее закрыть уголовное дело никто не решается, в дело собрали и подшили материалы — уже 30 томов. При этом Чурилов и Котелевский восемь месяцев провели в СИЗО, в июле им смягчили меру пресечения, отправив под домашний арест.

Побывав на Покровской плодоовощной базе, я еще раз убедился, что решение о ее закрытии родилось спонтанно, Городу для обеспечения жителей овощами и фруктами нужна эта база. И город на нее серьезно рассчитывал (а возможно, и продолжает рассчитывать). Здесь хранился стратегический продовольственный запас города для социальных учреждений, а также для продовольственных интервенций на рынке в случае резкого повышения цен.

Незадолго до «бирюлевского погрома» была построена специальная развязка с Варшавского шоссе в районе пересечения с МКАД, и поток фур получил возможность заезжать на базу, минуя спальный район. Долгие годы подъезд к Покровской базе был очень серьезной проблемой. Чтобы избежать жителей Западного Бирюлева от круглосуточного потока большегрузов, были вложены деньги и построен съезд, а трасса, начинавшаяся на улице Подольских Курсантов продлена на полтора километра. А сегодня эта дорога пустыня. Получается, что несколько сот миллионов рублей выброшено на ветер, а Москва вот просто так, без всякой веской причины, лишена своего самого современного и крупного продовольственного комплекса.

Ирек МУРТАЗИН
Фото «Новой»

Онкология: неестественный отбор

Из-за нехватки лекарств для химиотерапии пациенты городских онкоцентров не могут получить должного лечения

В течение года в прессе не раз появлялись сообщения о том, что в городских онкологических больницах не хватает лекарств. «Новая» провела расследование и убедилась: лекарств действительно не хватает, хотя городские власти продолжают это отрицать.

В Петербурге действует два городских онкологических центра: клинический научно-практический онкоцентр в поселке Песочном обслуживает северную часть города, а онкодиспансеры на Березовой аллее и на пр. Ветеранов — южную часть.

В Песочном есть еще федеральный онкоцентр — НИИ им. Петрова. Там лечат больных раком, которым нужна высокотехнологичная или специализированная помощь, а также дают консультации всем желающим.

Как показало расследование «Новой», проблемы с лекарствами для химиотерапии есть в обоих городских центрах.

Началось все с письма, которое оказалось в распоряжении редакции: «Сейчас в онкоцентре в Песочном опять дефицит лекарств. В дневном стационаре нет препарата **циклофосфамид**, компонента очень многих схем химиотерапии. Больным об этом не сообщают. Люди не знают, что не получают оптимального лечения. Врачи запуганы администрацией и скрывают правду о продолжающемся лекарственном дефиците. Проверки, организованные Комитетом здравоохранения, не выявляют фактов отсутствия препаратов. Из соображений экономии

больных переводят на «сокращенные» схемы. Вместо 17 введений дорогостоящего препарата дают 9 и говорят, что этого достаточно. На самом деле это менее эффективно, что доказано исследованиями и противоречит даже инструкции препарата».

На условиях анонимности нам удалось пообщаться с пациентами онкоцентров. Они подтвердили, что положенную химиотерапию получить очень сложно, а подчас невозможно.

Те, от кого отмахнулись

Пациентка А: «Чтобы получить лечение химиотерапией, беготня и бюрократия страшные, больному сложно это выстоять. И здоровый не выдержит все это пробивать. У врачей загрузка сумасшедшая, они даже не видят больных — физически не успевают».

*Мне несколько месяцев назад отменили лечение препаратом **кселода**, заменили на другой — опухоль сразу пошла вскачь. Я полгода не сплю. Кселоды как не было, так и нет».*

Сестра пациентки Б: «Моя сестра болеет с 2013 года, ей сразу поставили третью стадию. Начали делать химию, но опухоль только росла. Осенью прошлого года я наткнулась в интернете на **герцептин**. Сестра пошла на платную консультацию, проконсультировал врач, основное место работы которого — в онкоцентре в Песочном. Сказал, что с ее опухолью назначенный ей **анастрозол** бесполезен и подтвердил: нужен **герцептин**».

*Мы решили бороться за назначение **герцептина**. Но когда спросила у леча-*

щего врача, та только отмахнулась: мол, начитались в интернете, его назначают только умирающим!

*Мы получили еще одну заочную консультацию, в Москве, в Институте им. Сеченова, — там тоже рекомендовали в нашем случае **герцептин**.*

Я слышала, что в Питере его не назначают, так как очень дорого, хотя он и входит в стандарт. Годовой курс — 1 млн 800 тыс. руб. У нас таких денег нет.

Сестре провели еще один курс химии, он не помог, появились метастазы в легких. Ей 60 лет, такое впечатление, что просто не хотят на нее деньги тратить».

Пациентка В: «У меня рак первой стадии, но с большой агрессивностью, именно тот, для которого показан **герцептин**. Это заключение мне дали в федеральном НИИ Петрова в Песочном, а также заочно в клинике в Мюнхене. Обратилась в городской онкоцентр на Березовую. Мой химиотерапевт тоже считает, что мне нужен **герцептин**, но не может написать это в карточке. Устно говорит: да, полагается».

*Меня пригласили на врачебную комиссию на Березовой, сидело пять человек, и там я услышала, что **герцептин** мне не назначают, так как у меня первая стадия. Причем это было только в устной форме: я хотела увидеть письменный отказ, но в официальных бумагах ни слова об этом не было.*

Герцептин — это, по словам пациентов, с которыми я общалась, как заслуга, не для всех. Потому что на всех не хватает. Стоит 80 тыс. одно введение, а нужно в течение года 18 штук. Собираюсь жаловаться, выбивать себе лечение».

У них все хорошо. А у нас?

Отметим, что крайне дорогой **герцептин** (действующее вещество **трастузумаб**), дорогая **кселода** (**капецитабин**) и очень дешевый **циклофосфан** (**циклофосфамид**) находятся в Перечне жизненно важных и важнейших лекарственных препаратов. Этот перечень утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации, и все препараты, указанные в нем, должны предоставляться гражданам нашей страны бесплатно, если к тому есть медицинские показания.

Однако, как мы видим, не предоставляются.

Ситуацию для «Новой» прокомментировала Елена Ткаченко, заведующая отделением краткосрочной химиотерапии НИИ онкологии им. Петрова, до мая 2013 года работавшая в городском онкоцентре в Песочном.

«Ко мне на консультации приходят больные из обоих городских центров. Со слов больных, сейчас в центрах нет не только таких дорогих лекарств, как **герцептин**, но и **цитостатиков**, которые должны быть в любом случае: **циклофосфан**, **капецитабин**, **доксорубин**, **эпирубицин**, препараты таксанового ряда, — рассказывает Елена Викторевна. — Действительно, врачи вынуждены замалчивать рекомендации, так как не имеют возможности назначить лечение дорогими препаратами. Конечно, они делают это не по собственной иници-

СТР. 19

ативе. Положим, лечащий врач выпишет тот же герцептин — но лечить им центр не станет, потому что его нет. Пациент пойдет жаловаться в Комитет по здравоохранению, который, в свою очередь, заставит главврача писать объяснительную. Понятно, что на завалившего такую кашу лечащего врача в этом случае будет оказываться сильнейшее психологическое давление. К сожалению, у нас в НИИ им. Петрова квот на герцептин нет, но мы можем давать официальные заключения как ученые, выписываем рекомендации на герцептин и другие дорогие лекарства тем, кому они нужны».

За комментарием «Новая» обратилась в Комитет по здравоохранению. На вопрос, обеспечены ли онкоцентры такими лекарствами, как герцептин, циклофосфан, кселода, доксорубин, эпирубицин, таксанами, из комитета ответили: «На данный момент в лечебных учреждениях Санкт-Петербурга имеется необходимый объем указанных вами препаратов для химиотерапии. На 2015 год закупка препаратов запланирована с учетом данных о количестве больных с различными видами злокачественных новообразований».

Также мы спросили комитет, соответствуют ли действительности факты, о которых сообщают наши источники: что врачи отказываются назначать больным бесплатное лечение герцептином даже в случае прямых показаний к такому лечению из-за отсутствия лекарства в диспансериальных центрах. Комздрав не подтвердил, но и не опроверг это предположение: «Обращения граждан, содержащие указанные вами нарушения, в адрес Комитета по здравоохранению не поступали».

А если честно?

Очевидно, что городские онкоцентры не справляются с нагрузкой. И вряд ли вину за это можно возложить на врачей или администраторов. По словам Елены Ткаченко, в 2011 году, когда она работала в центре на Песочном, его потребность в лекарствах могла покрыть сумма в 1 млрд 300 млн руб. При этом на весь город (то есть и на Песочный, и на Березовую) было выделено около 900 млн руб. — почти в четыре раза меньше!

СПРАВКА «НОВОЙ»

Лекарства для химиотерапии делятся на две большие группы: «старые» цитостатические и цитотоксические — яды, которые действуют неизбирательно и убивают как разнообразные раковые, так и здоровые клетки; и «новые» таргетные — специально разработанные вещества, которые действуют только на определенные виды рака, а потому против них более эффективны, чем «старые» (хотя для организма тоже не особенно полезны).

Фармацевтическая промышленность сейчас заточена в первую очередь на разработку таргетных препаратов, каждый год появляются новые лекарства против разнообразных видов рака, но и цены на них, как правило, астрономические.

С тех пор ситуация только ухудшилась. Государство не в состоянии отвечать по своим обязательствам перед онкобольными. В результате врачи, чтобы сохранить работу, вынуждены назначать неэффективное лечение и даже прямо обманывать пациентов. Ситуацию необходимо менять в корне.

Лечение от рака в принципе очень дорогое. Предоставить его бесплатно своим гражданам не могут и богатейшие западные державы. Например, в Англии четко определено, какую сумму можно потратить на лечение одного пациента, и если необходимые лекарства в эту сумму не укладываются, больному честно сообщают: нам денег не хватит. Тогда у больного по крайней мере появляется возможность обратиться в благотворительные организации или собрать денег с миру по нитке.

Возможно, такой честный подход был бы приемлем и у нас. Потому что пока получается так: если человек способен биться за свою жизнь, заставить врачей ставить правильный диагноз и назначать правильное лечение, готов жаловаться и судиться — он в итоге добьется положенного лечения. Если же характер или состояние здоровья (речь ведь идет о раковых больных!) не позволяют человеку сражаться за свою жизнь — он обречен.

С другой стороны, нельзя не признать, что в нынешних реалиях снижать планку — непростительная наивность. Если тот же герцептин выведет из перечня жизненно важных, то мгновенно сократится и госфинансирование — будет все так же не хватать лекарств, уже менее дорогих, врачам все так же придется крутиться, жертвуя здоровьем и жизнями пациентов. Только герцептина не получит уже никто.

Единственное, что могло бы в корне изменить ситуацию, — слом всей системы финансирования и выстраивание новой, на принципах прозрачности, честности и личной ответственности. Но это, наверное, уже экстремизм?

Анджей БЕЛОВРАНИН

Герцептин (трастузумаб) — таргетный препарат последнего поколения. Появился на рынке достаточно давно, в 2000-2001 годах, поэтому успел попасть в список жизненно важных препаратов. Применяется при агрессивном раке молочной железы (HER2-позитивный) — это около 30% всех случаев такого рака, а также в 10% случаев рака желудка. Если при лечении старыми видами химиотерапии женщины с HER2-позитивным раком с метастазами в печень умирали через три месяца, то при лечении герцептином могут жить годами.

Кселода (капецитабин) — относительно дорогой цитостатический препарат.

Циклофосфан (циклофосфамид) — дешевый цитостатический препарат.

Будет сидеть

Суд не скостил срок бывшему майору полиции, осужденному за гибель подростка

Об этой трагедии «Новая» рассказывала почти три года назад. Но к страшной истории приходится возвращаться вновь и вновь, поскольку офицеры полиции, виновные в гибели 15-летнего Никиты Леонтьева, до сих пор пытаются отрицать либо умалять свою вину и смягчить наказание, уже определенное судом.

Напомним, вечером 21 января 2012 года Никита Леонтьев шел домой с тренировки мимо опорного пункта полиции, где отмечали день рождения коллеги три сотрудника 75-го отдела полиции: участковый лейтенант Денис Иванов, заместитель начальника по службе майор Олег Прохоренков и заместитель начальника по уголовному розыску майор Алексей Малых (умер 5 февраля 2012 года — до окончания следствия). Как следует из материалов дела, «Иванов, Малых и Прохоренков, руководствуясь ложно понятыми интересами службы, с целью создания впечатления эффективности своей работы незаконно задержали Леонтьева». В опорном пункте они нанесли ему травмы, несовместимые с жизнью. Судмедэксперты насчитали на теле погибшего более 100 повреждений и 28 травмирующих воздействий, в том числе ему проломили череп. Никита скончался в ту же ночь.

23 января 2012 г. следственные органы возбудили уголовное дело. Полицейских после случившегося сразу уволили из органов. Весной 2013 г. экс-полицейские предстали перед судьями.

10 сентября 2013 г. Денис Иванов, виновный в смертельном избивании Леонтьева, был приговорен судом к 6,5 годам колонии строгого режима. Отметим, что Иванов сразу дал признательные показания, заключил сделку со следствием, поэтому его судили особым порядком и предоставили право на сокращение максимального срока наказания в два раза. 4 июня 2014 г. Олег Прохоренков, обвиненный в превышении должностных полномочий с применением насилия и причинением тяжких последствий, получил 9 лет лишения свободы с последующим запретом в течение трех лет занимать государственные должности. Еще суд обязал его выплатить семье погибшего 1,5 млн рублей. Майор полностью отрицал свою вину и обжаловал приговор.

20 октября Городской суд Петербурга рассмотрел апелля-

ционную жалобу Прохоренкова. Адвокат осужденного Игорь Чигирь просил полного оправдания для подзащитного, так как, по мнению защитника, вина того не доказана. Чигирь утверждал: приговор основан на предположениях и содержит противоречия. В частности, по словам адвоката, ранее осужденный по этому делу Денис Иванов имел мотивы оговорить бывшего начальника, поскольку пошел на сделку с правосудием и хотел уменьшить свою собственную роль в преступлении. Также защита майора ходатайствовала о проверке его показаний на полиграфе, чего не было сделано в первом процессе, и о повторном допросе свидетелей. Но и в том и в другом судебная коллегия Чигирю отказала.

Сам Прохоренков, выступая в горсуде, сказал: «Я подал жалобу не из-за боязни понести суровое наказание, а потому что мне страшно обидно за наше правосудие. Я не боюсь наказаний и готов нести всю ответственность. Моя вина в том, что я недосмотрел, не обеспечил личную безопасность задержанного, но никаких телесных повреждений я ему не наносил».

Мать погибшего подростка Ольга Леонтьева не согласилась с этим и заявила: «Я удовлетворена приговором и прошу оставить его без изменений». Кроме того, женщине пришлось сделать замечание адвокату осужденного. Игорь Чигирь упомянул о том, что Никиту Леонтьева стражи порядка задержали за якобы совершенное им ограбление. Однако Ольга Леонтьева отметила, что это неправда: никакого грабежа Никита не совершал, — в июне этого года суд посмертно оправдал подростка.

Адвокат потерпевшей стороны Сергей Токарев напомнил, что назначенный экс-полицейскому срок (9 лет) — не максимально суровое наказание за такое преступление, тем более с отягчающими обстоятельствами (в отношении заведомо несовершеннолетнего, в нетрезвом виде, на рабочем месте и др.).

В итоге Городской суд Петербурга оставил приговор Прохоренкову в силе. Экс-полицейский намерен обжаловать решение в Верховном суде.

**Нина ПЕТЛЯНОВА,
фото Марии ЭЙСМОНТ**

Коррупции настанет FATF

Петербургские активисты ищут, кого из местных коррупционеров «прокачать»

Петербургские борцы с коррупцией идут по пути украинцев и внимательно изучают европейское законодательство, которое позволяет блокировать зарубежные счета российских чиновников. Пока антикоррупционеры присматриваются к петербургским депутатам, на которых можно апробировать методику.

Еще в марте 2012 года еврокомиссия начала оценку эффективности законодательства ЕС относительно борьбы с отмыванием денег, после чего разработала поправки, значительно ужесточающие третью директиву ЕС, противодействующую легализации преступных доходов.

Украинские активисты уже несколько лет пользуются рекомендациями FATF — межправительственной организации, устанавливающей мировые стандарты противодействия отмыванию денег. Едва ли не главное требование FATF — банки ЕС должны знать, кто является бенефициаром. Если же бенефициар прячется за «матрешкой», то банк вправе прекратить деловые отношения (вплоть до блокировки счета)

и сообщить о сомнительной операции в правоохранительные органы той страны, откуда пришли деньги.

«Важно, что, согласно рекомендациям FATF, особое внимание банки обязаны уделять политическим деятелям. Банки не только должны определить их источники доходов, но и проводить постоянный мониторинг деловых отношений с ними», — поясняет Дарья Каленюк, руководитель украинского Центра противодействия коррупции, в немалой степени способствовавшего заморозке счетов сбежавшего Виктора Януковича.

Каленюк подчеркивает, что, согласно третьей директиве ЕС, банки обязаны осуществлять усиленные мероприятия контроля «относительно операций и деловых отношений с политическими деятелями, проживающими в другом государстве — члене ЕС или третьей стране».

К политическим деятелям документ относит «физических лиц, которые наделены или были наделены значительными государственными функциями, и близких членов семьи или близких сотрудников таких лиц».

В США, согласно Патриотическому акту, банки обязаны вводить мониторинг относительно частного счета, ко-

торый «создан или содержится от лица или самостоятельно высшей иностранной политической фигурой или же ее близкими родственниками или близкими сотрудниками».

По словам Каленюк, банки должны проверить, является ли владелец счета высшей иностранной политической фигурой, и убедиться, что средства на счет не поступают от иностранной коррупционной деятельности.

Согласно Акту о банковской тайне, финансовые учреждения должны направлять в государственное агентство по противодействию финансовым преступлениям (FINCEN) отчеты о подозрительной деятельности своих клиентов.

На практике же зачастую выходит так, что банки не особенно интересуются источниками обогащения российских, украинских, азербайджанских и других чиновников, поскольку, помимо вопросов этики, есть финансовый аспект и он зачастую перевешивает красивые и правильные слова о борьбе с коррупцией. Наглядным примером этого могут служить счета того же Януковича, которые ему без проблем открывали в Европе.

Однако проигнорировать коррупционный шлейф значительно труднее, если европейские и американские банкиры тыкают в конкретные факты, посылая им различные запросы и публикуя в западных СМИ материалы о недобросовестных чиновниках из развивающихся стран, которых обслуживают не менее недобросовестные банкиры из развитых государств.

Перенимая опыт

Российские борцы с коррупцией к рекомендациям FATF либо прибегают крайне редко (иные только начинают, как региональная Transparency International),

либо не прибегают вообще. Многие матерые расследователи, как выяснила «Новая», просто не знают о том, что есть такая возможность — бить по рукам проворовавшихся чиновников.

С большим интересом ознакомился с публикациями о FATF руководитель петербургского «Фонда борьбы с коррупцией» Дмитрий Сухарев. Собеседник «Новой» сообщил, что в ближайшее время активисты определятся с депутатом или чиновником, чьими зарубежными финансами вплотную займутся.

Экономист Сергей Шелин признался, что слышит о методике, рассказанной Каленюк, впервые: «Может, я не очень хорошо ориентируюсь, конечно».

Яблочнику Григорию Явлинскому рекомендации FATF нравятся. На вопрос «Новой», почему эту антикоррупционную методику игнорируют российские власти, которые по логике должны быть заинтересованы в возврате денег в казну, политик ответил: «Невыгодно. У нас невыгодно даже расходы чиновников оценивать. Также до сих пор не принято решение по Конвенции ООН против коррупции, которое включает понятие «незаконное обогащение», — по ней чиновник попадает под уголовную статью, если стоимость его активов необъяснимо превышает официальные доходы, — возмущается Явлинский. — Россия ратифицировала конвенцию частично, исключив как раз 20-ю статью: тоже, вероятно, невыгодно».

Собеседник «Новой» настаивает, что «в экономике и обществе, в фундаменте которого лежат залоговые аукционы, являющиеся стопроцентным мошенничеством, ожидать нечего, а все остальное — производное».

Александра ГАРМАЖАПОВА

Место сошествия святого духа обнесли забором

В сквере около станции метро «Ломоносовская» появился синий строительный забор.

За забором сложены доски и поставлена строительная бытовка. Забор находится в зоне участка, выведенного из зоны зеленых насаждений под строительство церкви Сожествия Святого Духа.

Проект строительства церкви («воссоздания», как говорят ее сторонники) в сквере перед станцией метро развивается уже давно, но лишь год назад вступил на путь градостроительных согласований. Действительно, до революции на этом месте стоял небольшой кладбищенский храм, а вся территория вокруг, вплоть до набережной Невы, была занята Фарфоровским кладбищем. Церковь — уже без купола — простояла до середины 1960-х, ее снесли при строительстве метро.

В 2007 г. сквер вокруг «Ломоносовской», ограниченный улицами Бабушкина, Матюшенко, Поляриков и Сомовым переулкам, а также второй участок бывшего кладбища за кинотеатром «Спутник» был включен в список зеленых насаждений общего пользования (ЗНОП), что исключало его застройку. Однако уже в 2010-м из этого списка вывели более 50 соток. Церковная общественность и РПЦ сумели уговорить администрацию возвести заново снесенную церковь, добавив к ней обширную огороженную территорию и парковку на 39 машино-мест.

Отношение к проекту в районе неоднозначное. Дело в том, что в 2008–2009 го-

дах местным активистам пришлось потратить много сил, чтобы избавиться от еще одного желаемого сооружения в сквере — шестиэтажного торгового центра компании ООО «Макромир». Тогда жители митинговали, писали в прокуратуру, по ночам портили строительный забор и даже попадали за это в милицию. Застройщик проиграл. Решающим аргументом оказался даже не ЗНОП, а закон «О погребении и похоронном деле», согласно которому на территории бывших кладбищ не может быть ничего, кроме зеленых насаждений. Однако аргумент,

который сработал в случае коммерческого застройщика, оказался бессильным в отношении культового сооружения.

Лоббисты строительства храма воспользовались чужой победой. Митинги проводили не они, и не они сидели в милиции. Но как только «Макромир» был изгнан, они пришли на расчищенное место и начали активно пробивать свой проект. И добились успеха. Причем даже не потому, что РПЦ сильнее коммерсантов. Просто сопротивление стало слабее. Многие стесняются выступить против стройки открыто — видимо, из боязни

прослыть богоборцами. Кто-то считает, что церковь — наименьшее из строительных зол, которые все равно неизбежны; а если застолбить церковью территорию, то другие застройщики уже не сунутся (сомнительный аргумент). На фоне конформистского хора голоса тех, кто боролся с торговым центром не ради церкви, а ради зеленой зоны, совсем затерялись.

Итогом стало появление в сквере нового строительного забора. Как сообщила нам ведущий специалист отдела строительства администрации Невского района Валентина Соболева, проект планировки территории в настоящее время ждет утверждения. Она затруднилась ответить, прошел ли экспертизу сам проект церкви, однако разрешения на строительство еще нет. При этом забор поставлен законно. «Его согласовала ГАТИ», — сообщила нам Валентина Николаевна.

Добавим, что параметры проекта новой церкви отличаются от дореволюционных: она станет больше и выше. Но самое важное, что церковная стройка нарушит закон «О погребении и похоронном деле», так как если не само здание, то парковка точно окажется на месте, где находились захоронения. И если Смольный согласует такой проект, его можно будет обвинить в применении двойных стандартов.

Ирина АНДРИАНОВА, фото автора

Грядет ли в Зубовском эпоха возрождения?..

Страсти вокруг Российского института истории искусств, похоже, улеглись: новый директор Елена Третьякова сменила на этом посту Ольгу Кох, против политики которой бурно протестовали многие сотрудники Зубовского и деятели культуры Петербурга

Но для многих протестантов — бывших и нынешних сотрудников РИИИ — ситуация остается неоднозначной: решительных действий нового директора пока не видно, а в социальных сетях идет ропот — почему ничего не меняется, почему прежняя администрация, за исключением директора, остается на своих местах, за что боролись? На эти вопросы мы поговорили с Еленой Третьяковой, новым директором Зубовского института.

— Елена Всеволодовна, я-то поздравляю вас с назначением, а вы сами себя?

— Как в том анекдоте про ЕГЭ: вопрос — любил ли Онегин Татьяну? Варианты ответов — да, нет, не очень. Правильный — не очень. Вот и я — не очень.

— Как вы воспринимаете это назначение: вас бросили под танк или Министерство культуры просто устало от перманентного скандала?

— Думаю, тут целый комплекс факторов — общественное мнение сыграло большую роль, способы сотрудничества,

работы и общения администрации Зубовского с коллегами и министерством. Министерство тоже надеется, что институт будет нормально работать, начнет выдавать какую-то продукцию на-гора — для этого нужно, чтобы руководителем был человек, понимающий вопросы искусствоведения иначе, чем историк по образованию, пришедший из учебного заведения.

— Пока польхал скандал, вы работали в Зубовском. Как конфликт выглядел изнутри? Вы из тех, кто был категорически не согласен с политикой бывшего директора?

— Есть люди, которые активно выражали свою позицию, свои протесты, а есть те, кто преодолевал свои эмоции и продолжал делать дело своей жизни. Я отношусь ко второй категории, для меня важнее работа.

— Вы принимали участие в митингах протеста, различных акциях?

— У меня физически не было на это времени: в институте я работала на полставки, оставаясь проректором Театральной академии по учебной работе. Если бы и хотела пойти на митинг, не получи-

лось бы. Мой общественный темперамент проявлялся в другом, поэтому я и нахожусь сегодня здесь. Вообще не могу жить, тратя время на конфликты.

— Как вы оцениваете кадровые изменения в институте — увольнения, сокращения, когда в общей сложности ушли несколько десятков научных сотрудников?

— Правильно было бы рассматривать каждый случай отдельно, но главная неприятность всех этих кадровых перестановок заключалась в том, что прежняя администрация не хотела видеть в стенах института людей, которые активно протестовали...

— Это, по-вашему, нормально?

— Конечно нет, и именно эта логика вызвала бурное негодование. Понятно, что сокращения были неизбежны, они прошли по всем институтам Минкультуры. Бывают такие моменты в жизни учреждения, целой отрасли, которые требуют перемен, омоложения коллектива, ротации, в конце концов. Это всегда процесс болезненный, и весь вопрос в том, как это проводить. Во всех институтах, особенно московских, были и сокращения, и слияния, и соединения. И только в нашем случае это прошло таким кровавым образом...

— Таким шумным образом, я бы сказала. Потому что в московских институтах Минкультга сокращений было куда больше — там целые учреждения ликвидировали, соединяя их между собой. Но там никто не вышел на митинги протеста. Как вы думаете, бурная общественная реакция сыграла роль в том, что Зубовский не ликвидировали, что он сохранился как действующий институт?

— Безусловно существенную, но не единственную. Есть еще министерские чиновники и борьба «наверху». Я знаю об этом мало, мне сказали, что ситуация была крайне сложная, и что она разрешилась в пользу института. И еще мне очень внятно и очень твердо было сказано в министерстве: Зубовский институт останется в этом здании, его никто не тронет. Это представитель министерства сказал и коллективу, представляя меня в новом качестве.

— Останется самостоятельным? А как же разговоры господина Гергиева, мечтавшего об объединении его с Мариинкой?

— Давно об этом ничего не слышала.

— Поскольку из института ушли десятки научных сотрудников, некоторые направления работы, в частности издание энциклопедии Зубовского института, были приостановлены?

— Работа над энциклопедией института — кстати, пока даже не могу сказать, как в конечном варианте будет называться этот труд — продолжается: Анна Федоровна Некрылова, хоть и не работает в Институте, продолжает им заниматься. Нужны еще некоторые усилия, и мы доведем эту работу до конца. Анна Федоровна человек очень высоких внутренних обязательств, мы продолжаем общую работу.

— У вас есть возможность всерьез заняться кадровой политикой?

— Сейчас весь процесс изменений кадрового состава связан с вос-

становлением уволенных по суду. Я пока не могу вести вразумительную кадровую политику, занимаюсь только восстановлениями.

— С кадрами придется что-то решать. Насколько я знаю, прежний директор привела много новых людей, отнюдь не научных сотрудников. С кем сейчас в институте делать науку?

— Дефицит ученых ощущался всегда, люди, способные заниматься фундаментальными изысканиями, написанием книг, требуются везде, и нам тоже.

— С вашим назначением многие связывают надежды на возвращение уволенных, что вы предложите уйти тем, кого она привела...

— Ольга Борисовна привела главным образом свой административный аппарат, из научных сотрудников — буквально три-четыре человека. Но чтобы понять, кто как работает, нужно время, у меня его пока просто не было. И вообще, если человек приходит и с лету начинает рубить головы — такой руководитель не кажется мне серьезным. В понедельник на ученом совете попросила — не надо давить на меня со всех сторон, мне нужно время. И не надо торопить — этих вернуть, этих уволить, у нас не пожар.

— Вы готовы терпеть в институте сотрудников с бурным общественным темпераментом, например активных профсоюзных лидеров? Или вы предпочтете тихих, молчаливых ученых, которые не станут спорить с начальством?

— Коллектив должен состоять из разных людей, и я готова работать со всеми, кто есть, готова спорить о путях развития института, о методах его руководства и выслушивать самое резкое мнение оппонентов. Главное — уважать чужую позицию и не переходить на личное противостояние.

— Насколько я знаю, сектор источниковедения, в котором и вы работали, сейчас почти восстановлен — туда по суду вернулись бывшие сотрудники. А какова судьба сектора художественной культуры, в котором, в частности, работала и бывший директор Татьяна Клявина — там сейчас, похоже, полный разгром?

— Пока из-за нехватки времени не познакомилась со всеми сотрудниками сектора, некоторых даже не видела. На ученом совете пообещала, что побеседую с каждым сектором, со всеми сотрудниками.

— Будете требовать, чтобы сотрудники сидели по кабинетам от звонка до звонка или вам важнее научная работа?

— Это вообще основная причина, по которой я во всю эту историю втравилась: мне очень хочется переключить коллектив на нормальную работу, повернуть людей к научному творчеству. И для этого нужно сидеть не в кабинетах института: физики или химики-экспериментаторы большую часть времени проводят в лабораториях, а для наших научных сотрудников лаборатория — это архивы, библиотеки, музейные и театральные фонды, без сбора материала науки нет.

— Как вы считаете, чем ваша концепция принципиально отличается от концепции Ольги Кох? Или этот конкурс был просто поводом сменить руководство?

— Совет экспертов отметил, что моя концепция более конкретна, в ней нет общих слов. А я видела свою задачу в том, чтобы объединить усилия людей, которые занимались, на первый взгляд, разными направлениями, в единые комплексные исследования, посвященные истории теории, методологии искусства. Чтобы институт в своей работе встал на новую ступень развития, требуется синтез, объединение разрозненных элементов в единое целое. Все остальное — ежедневная работа.

Беседовала Наталья ШКУРЕНКО, фото автора

Не отклоняться от прописей

Авторам закона о едином учебнике русского языка хочется посоветовать почитать книгу Замятина «Мы»

Поправки к закону «Об образовании» представляла Ирина Яровая. Вот ее выступление: «Очень короткой и точной преамбулой к внесению этого закона может быть следующий тезис: у нас одна общая страна, у нас одна общая история, у нас одна общая культура, у нас один общий язык, а следовательно, у детей, граждан Российской Федерации, может быть один общий учебник истории, один общий учебник русского языка и один общий учебник русской литературы».

Первая реакция на эту речь — злость: у нас как минимум не одна на всех голова. А в следующую минуту будто холодом подуло: «Одна страна, один народ»... Однажды это уже было, последствия известны...

Но, допустим, это только эмоции. А что в документе? В пояснительной записке к законопроекту читаем: гарантировать равное и качественное образование на территории страны могут именно единые учебники. А вариативные формируют социальную дискриминацию, нарушают принцип общедоступности образования. Авторам преамбулы также кажется, что «конституционное определение образования в средней школе, как общего, не обеспечивается» именно из-за того, что у учителя есть право выбора учебника из федерального перечня. Это уже не общее, а разобщенное образование, считают составители: «Указанная вариативность противоречит Конституции Российской Федерации, поскольку не обеспечивает проведение единой государственной политики в области образования».

Нет, «нарушением Конституции и дискриминацией является как раз поправка права граждан на выбор, — возражает авторам законопроекта в своем заявлении Общественный совет при Минобрнауки, который возглавляют заслуженный учитель России, академик РАО Евгений Ямбург и лауреат Филдсовской премии по математике Станислав Смирнов. — С нашей точки зрения, это право лежит в фундаменте Конституции и Закона РФ об образовании». Общественный совет назвал унификацию, предложенную семью депутатами, бессмысленной, противоречащей всем нормам здравого смысла, и обратился к руководству Госдумы с призывом объяснить своим коллегам, которые учились в школах и даже в высших учебных заведениях, неле-

Болотов, Реморенко, Фрумин, Асмолов

пость их законопроекта и не принимать его к рассмотрению.

Минобр поблагодарил совет за активную позицию и высказался за широкую дискуссию, а в оправдание такой нелояльности к законодателям от правящей партии привел тот факт, что требовательность повышается, и за год количество учебников в федеральном перечне снизилось более чем в два раза. Так что и без нового закона процесс идет.

Только вот к единому учебнику нужен еще и единый учитель. И Рособнадзор объявляет тендер на организацию в регионах экспертного анализа уровня профессиональных компетенций учителей истории

и обществознания, потому что внедряется новый стандарт по отечественной истории. Литературу, видимо, ждет та же участь.

Но самым вызывающим выглядит желание депутатов иметь единый учебник русского языка. А про многонациональную и многоконфессиональную и многоязыкую Россию депутат Яровая говорит, что у нас одна общая культура и один общий язык! И один учебник русского языка нужен всем российским детям.

Не беру политическую сторону этого вопроса. Но чисто педагогически не потянуть всем российским детям учебу по единому учебнику русского языка. Если мама с бабушкой не говорят дома по-русски, то

учиться русскому по тому же учебнику, по которому учатся дети из русскоговорящей семьи, не получится. И сейчас с этим бьются не только в национальных республиках, но и, например, в московских классах, где учатся дети мигрантов. Понятно, что им нужно больше часов, другие программы и, конечно же, другие учебники. Другие учебники как раз для того, чтобы обеспечить то, о чем якобы пекутся семеро депутатов: равные права в получении образования.

Я уже не говорю про то, что есть дети с особыми потребностями: слабослышащие, слабовидящие, с задержкой развития, с различными дислексиями и дисграфиями. И для них — тот же единый учебник? Чтобы соответствовали «русской идентичности и гражданской культуре»? К счастью, учебник — грифанный ли, единственный ли — не является исключительным источником информации для ребенка, более того — школа не единоличный властитель его дум. Да и вообще эксперты сходятся на том, что роль школы постепенно во всем мире меняется: от транслятора информации к тьютору, помогающему лавировать в море информации и отбрасывать ненужную. Так что учебник с набором сведений — это даже не вчерашний, а позавчерашний день образования.

Важно назвать депутатов-единороссов, авторов законопроекта, вот они: И.А. Яровая, С.А. Попов, Г.А. Балыхин, И.И. Квитка, Ф.А. Клинецкий, Н.В. Панков, И.К. Роднина. Запевала этого хора Ирина Яровая известна как автор и соавтор ряда резонансных законопроектов: об ужесточении ответственности за нарушение правил проведения митингов, о возвращении уголовной ответственности за клевету и об обязательном получении статуса «иностранных агентов» некоммерческими организациями, имеющими зарубежное финансирование.

Может быть, депутат Яровая найдет способ создать такой волшебный учебник, который гарантировал бы всем детям качественное образование? Но люди рождаются с разными способностями и наклонностями. И задача учителя — не в том, чтобы сделать их одинаковыми, а как раз в том, чтобы, опираясь на сильные стороны, развивать каждого ребенка. Обучение сегодня строится на дифференциации и индивидуализации, а не на «уравниловке».

Замечательно и почти уникально то, что четверо видных ученых и педагогических деятелей — Александр Асмолов, Виктор Болотов, Игорь Реморенко, Исаак Фрумин — выступили на стороне Общественного совета при министерстве: «Полностью поддерживаем профессиональную экспертизу наших коллег». Именно потому, что это сегодня просто опасно, очень уместной представляется иллюстрация, на которой все четверо — в облике мушкетеров.

Людмила РЫБИНА,
обозреватель «Новой»
Коллаж «À la guerre comme à la guerre»
Михаила РАДКЕВИЧА

КОММЕНТАРИИ ЭКСПЕРТОВ

Обсуждение законопроекта активно идет на сайте инновационной образовательной сети «Эврика» eurekanet.ru. Приведем несколько цитат.

Исаак ФРУМИН, научный руководитель Института развития образования Высшей школы экономики, заслуженный учитель РФ:

— Думаю, настало время назвать вещи своими именами. Мы видим, как под прикрытием слов о патриотизме совершается антипатриотическое действие против российского образования. <...> Видимо, проблема просто в незнании элементарных фактов, в наивной вере в то, что в двадцать первом веке могут работать образовательные технологии эпохи индустриализации и ликвидации неграмотности. <...> Все, что знает современная наука об образовании, противоречит утверждению о том, что «вариативность является фактором дискриминации прав ребенка. Вариативность не обеспечивает доступности и равного качества образования». Оно демонстрирует уровень компетентности предлагаемого документа.

Игорь РЕМОРЕНКО, ректор Московского городского педагогического университета:

— Конечно, если мы главным образом хотим, чтобы дети запоминали одинаковый набор фактов, то единый учебник вполне решит эту задачу. В школы пойдут инспектора из района и будут сравнивать тематическое планирование учителей с тематикой единых учебников. Ход урока также должен будет соответствовать логике единых учебников. Возобладают муштра и слепой контроль.

Однако если мы хотим научить детей мыслить: анализировать, формировать собственные суждения, обосновывать свою позицию, то единый учебник только навредит. Ведь эта задача может решаться только в условиях многообразия методических подходов.

Сергей ЗАИР-БЕК, ведущий научный сотрудник Лаборатории анализа и моделирования институциональной динамики Института институциональных исследований ВШЭ:

— «Очевидный вред различия во взглядах и убеждениях. Вред несогласия во мнениях. «Аще царство на ся разделится» и пр. Всякому русскому дворянину свойственно желать не ошибаться; но, чтоб удовлетворить это желание, надо иметь материал для мнения. Где ж этот материал? Единственным материалом может быть только мнение начальства. Иначе нет ручательства, что мнение безошибочно. Но как узнать мнение начальства?» (Козьма Прутков. «Проект: о введении единомыслия в России»)

Увы, поступивший в Госдуму законопроект напоминает процитированный проект К. Пруткова. <...>

По сути, учебники для госпожи Яровой и ее коллег — это как Библия, Коран и Тора в одном флаконе, и весь смысл образования — это единое содержание учебников. <...>

Все обоснование законопроекта выглядит настолько глупым и некомпетентным, что, подозреваю, является только прикрытием для истинных целей, заключающихся в очередной — вслед за Козьмой Прутковым — попытке установить единомыслие в России. А посему его авторам надо, видимо, напомнить Конституцию Российской Федерации, а именно статью 13: в Российской Федерации признается идеологическое многообразие. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Слава
ТАРОЩИНА
обозреватель
«Новой»

Упыри от Рембрандта

Вот уже год, как страна впала в духовный палеолит

Во всем виноват Ургант. Пригласил на шоу Шамиля Тарпищева, а тот решил пошутить. И пошутил: назвал сестер Уильямс «братьями». Женская теннисная ассоциация незамедлительно дисквалифицировала Тарпищева на год, вменив ему еще и максимальный штраф в 25 тысяч долларов. Мир взорвался от возмущения. Отечественные комментаторы взорвались от возмущения миром. Они искренне не понимают, как такая малость способна кого-то обидеть. И действительно, в новой реальности, управляемой телевизором, намек на мужеподобность звездных теннисисток — песчинка в пустыне.

Вот уже год, как страна впала в духовный палеолит. Президентские остроты на миланском саммите насчет половых органов бабушек и дедушек изумляют только впечатлительных европейцев. Наивные люди, они еще не слышали наших мастеров пропаганды. На их ежедневном, ежечасном фоне Путин — образец политкорректности. Ведь в России сейчас самое что ни на есть народное телевидение. Империя простых истин, мыслей, слов, обращенная к якобы простому человеку, всегда возвышается в период безвременья. Тогда лучшие каналские умы поступают так, как обычно поступали советские начальники: по меткому замечанию Пастернака, они достают слово «народ» словно из штанов по нужде.

Так было во второй половине 90-х, когда ельцинское правление трещало по швам. На авансцену выдвинулся Валерий Комиссаров, весь в белом, творец редкостного формата под названием «женско-семейные шоу». Страна долго расставалась с «комиссаровщиной». Но вот в конце 2010-х настало очередное время промежутка, и тотчас из пены морской материализовалась Роза Сябитова, гений нахрапистой, хабахистой, агрессивной интонации, каковую и принято считать народной. Все последующее хуже предыдущего. Комиссаров мог производить программы, соки, макароны, а мог и в Госдуме заседать. Сябитова не то что с женихами, с падежами справится не в силах.

Следующий приступ народности, самый мощный, спровоцировали «болотные». Путин подружился с

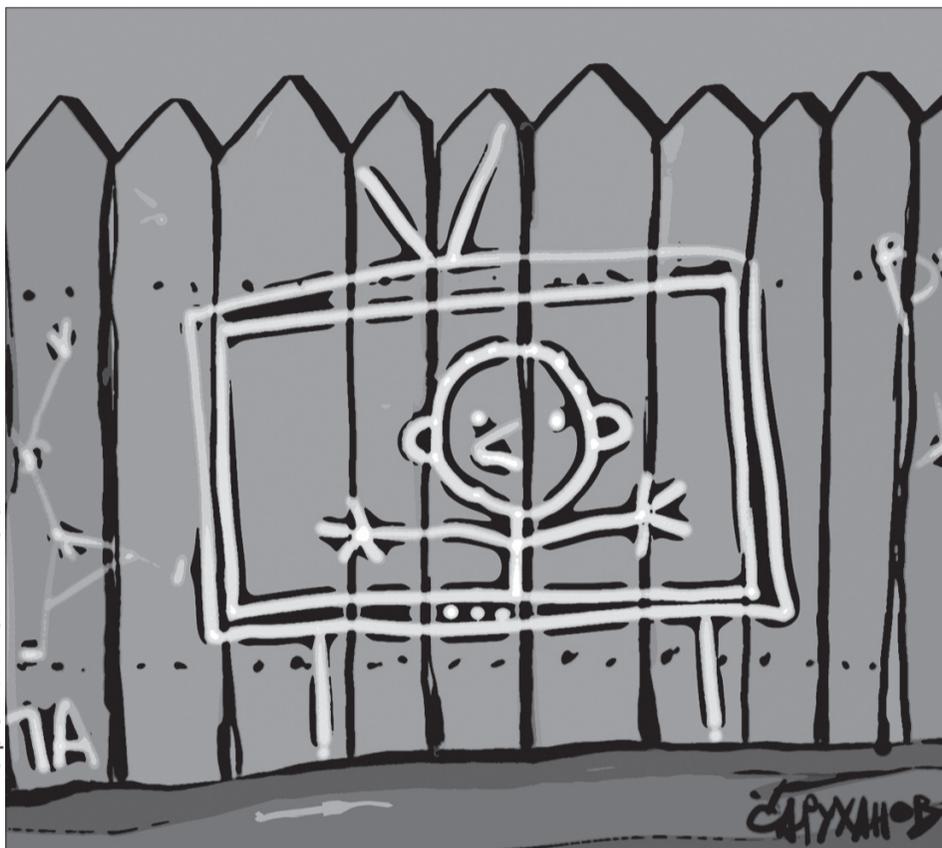
«Уралвагонзаводом», и страна пошла вразнос. Кстати, Владимир Владимирович — первый российский лидер, обладающий абсолютной грамотностью, но умеющий кого надо «замочить в сортире». Он

краткую эпоху «болотных». Имею в виду Мамонтова. Он ворочает предложения, как валуны. Когда волнуется, внутри себя переводит, подобно генералу Лебедю, с мата на русский. Но его зрители отлич-

радений на тему «Время покажет» он заслужил персональный проект «Толстой. Воскресенье». Спрашивается, чем Гордон хуже? Путина любит, Америку ненавидит, Крым приветствует. У меня есть ответ. Феномен Толстого (Петра) — это победа не только правильного содержания (теперь другого на ТВ нет), но правильной мелодии. Если внимательно прислушаться к потомку древнего рода, то несложно ощутить в его речах интонации вечной свахи Розы Сябитовой.

Но как бы Толстой ни старался, ему далеко до Ирады Зейналовой. По напору, скорости, актуальной мелодике речи ведущей главной аналитической программы «Время» нет равных. Ее художественный дар так же неисчерпаем. Только Шекспир от политвещания способен передать городу и миру драму матери из пылающего Славянска, на чьих глазах украинские фашисты распяли трехлетнего сына. Зейналова — непревзойденный знаток искусства. Уж как она блистала в программе Диброва «Кто хочет стать миллионером?», куда теперь приглашают известных ведущих Первого канала. Особенно глубоки познания Ирады в вопросах живописи. Пусть она ничего не знает про «Рождение Венеры» Боттичелли, зато она многое знает про «Ночной дозор» и «Явление Христа народу». Рембрандт, оказывается, изобразил на своем полотне «каких-то упырей и медведей», а Иванов писал «Явление...» «с крепостных». Хорошо, что в Европе не смотрят Диброва, а то пришлось бы ответить за «упырей», то есть за мушкетеров из гражданского ополчения Нидерландов, заказавших Рембрандту парадный портрет. «Бездна эрудиции», цитирую ехидного Диброва, увы, не коснулась отечественной классики. Зейналова (вместе с коллегой Антоном Верницким) долго искала, но так и не смогла отыскать автора выражения: «Если враг не сдается, его уничтожают». Хотя главное — не теория, а практика.

Однажды Зейналова, первая на Первом, забыв о прямом эфире, завопила в кадр: «Мальчик, иди в жопу». Адрес указан снайперски. Только вместо одного мальчика по точному адресу строим марширует вся великая держава.

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

хорошо усвоил азы советской власти, когда близость к народу маркировалась особым косноязычием и особым, портяночным, юмором. (Вот, кстати, почему у Медведева, сына питерского профессора, с отточенной лексикой и строем фразы, изначально не было шансов на успех.)

Украинские события спровоцировали не только смысловую, но и интонационную революцию на российском ТВ. Прежде сябитовы обитали лишь в таблоидных программах, теперь они везде. Новый для политического пространства звук определит и новый дух творцов данного пространства. Впрочем, предвестник грядущих трендов явился народу несколько раньше, опять же в

но понимают и неоконченные пассажи, и путаные согласования — лишь бы он и дальше неутомимо отыскивал врагов России.

Раньше Мамонтов был один такой в среде главных аналитиков. Сегодня производство «народников» поставлено на поток. Тут показателен пример «Политики». Еще недавно программу вели Петр Толстой с Александром Гордоном. Теперь Гордон отправлен в ссылку дневного эфира, где снова, впервые после комиссаровских «Окон», в студии булькает, клокочет, переливается через край гормональное шоу «Мужское/женское». Зато Толстой покоряет одну вершину за другой. Помимо ежедневных

Редакторы номера:
Р. Дубов, С. Кожеуров

Наш адрес
в интернете:
NovayaGazeta.ru

**НОВАЯ
ГАЗЕТА**

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: **Ольга БОБРОВА** (обозреватель), **Сергей КОЖЕУРОВ** (первый зам главного редактора), **Александр ЛЕБЕДЕВ** (зам главного редактора), **Андрей ЛИПСКИЙ** (зам главного редактора, редактор отдела политики), **Нугзар МИКЕЛАДЗЕ** (зам главного редактора, редактор службы информации), **Константин ПОЛЕСКОВ** (редактор WEB-редакции), **Алексей ПОЛУХИН** (редактор отдела экономики), **Георгий РОЗИНСКИЙ** (зам главного редактора), **Юрий РОСТ** (обозреватель), **Петр САРУХАНОВ** (главный художник), **Юрий САФРОНОВ**, **Сергей СОКОЛОВ** (зам главного редактора, расследования — «отдел Юрия Щекочихина»), **Ольга ТИМОФЕЕВА** (редактор отдела культуры), **Олег ХЛЕБНИКОВ** (зам главного редактора), **Виталий ЯРОШЕВСКИЙ** (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты:

Роман АНИН, **Юрий БАТУРИН**, **Борис БРОНШТЕЙН**, **Борис ВИШНЕВСКИЙ**, **Ирина ГОРДИЕНКО**, **Эльвира ГОРОХИНА**, **Елена ДЬЯКОВА**, **Зоя ЕРОШОК**, **Вячеслав ИЗМАЙЛОВ**, **Сергей КАНЕВ**, **Павел КАНЬГИН**, **Андрей КОЛЕСНИКОВ**, **Елена КОСТЮЧЕНКО**, **Юлия ЛАТЫНИНА**, **Елена МАСЮК**, **Владимир МОЗГОВОЙ**, **Ирек МУРТАЗИН**, **Галина МУРСАЛИЕВА**, **Леонид НИКИТИНСКИЙ**, **Ирина ПЕТРОВСКАЯ**, **Алексей ПОЛИКОВСКИЙ**, **Юлия ПОЛУХИНА**, **Елена РАЧЕВА**, **Людмила РЫБИНА**, **Алексей ТАРАСОВ**, **Слава ТАРОЩИНА**, **Марина ТОКАРЕВА**, **Павел ФЕЛЬДЕНГАУЭР**, **Диана ХАЧАТРЯН**, **Вера ЧЕЛИЩЕВА**, **Наталья ЧЕРНОВА**

Ведущие рубрики: **Евгений БУНИМОВИЧ**, **Дмитрий БЫКОВ**, **Александр ГЕНИС**, **Павел ГУТИОНОВ**, **Юрий РЕВИЧ**, **Кирилл РОГОВ**, **Дина РУБИНА**, **Владимир РЫЖКОВ**, **Ким СМЕРНОВ**, **Артемий ТРОИЦКИЙ**, **Сергей ЮРСКИЙ**

Руководители направлений: **Руслан ДУБОВ** (спорт), **Лариса МАЛЮКОВА** (кино), **Кирилл МАРТЫНОВ** («Мнения и комментарии»), **Елена МИЛАШИНА** (специальные проекты — «отдел Игоря Домникова»), **Надежда ПРУСЕНКОВА** (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: **Надежда АНДРЕЕВА** (Саратов), **Георгий БОРОДЯНСКИЙ** (Омск), **Иван ЖИЛИН** (Киров),

Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург), **Сергей КУРТ-АДЖИЕВ**, **Наталья ФОМИНА** (Самара), **Виктория МАКАРЕНКО** (Ростов-на-Дону), **Александр МИНЕЕВ** (Брюссель), **Ольга МУСАФИРОВА** (Киев), **Нина ПЕТЛЯНОВА** (Санкт-Петербург), **Евгений ТИТОВ** (Краснодар), **Ирина ХАЛИП** (Минск)

Группа выпуска: **Юрий КОЗЫРЕВ** (директор фотослужбы), **Анна АРТЕМЬЕВА**, **Евгений ФЕЛЬДМАН** (фотокорреспондент), **Анна ЖАВОРОНKOVA**, **Алексей КОМАРОВ**, **Татьяна ПЛОТНИКОВА** (бильдиредаторы), **Оксана МИСИРОВА**, **Надежда ХРАПОВА**, **Вероника ЦОЦКО** (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: **Зинаида БУРСКАЯ**, **Мария ЕПИФАНОВА**, **Сергей ЛИПСКИЙ**, **Наталья ПОЛОВИНКО**, **Ольга ПРОСВИРОВА**, **Евгений ШИРЯЕВ**

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор)

Светлана БОЧКАЛОВА (распространение), **Владимир ВАНЯЙКИН** (управление делами), **Владимир ГРИБКОВ** (заместитель директора), **Наталья ЗЫКОВА** (персонал), **Анжелика ПОЛЯКОВА** (реклама), **Ярослав КОЖЕУРОВ** (юридическая служба), **Валерий ШИРЯЕВ** (заместитель директора), **Сталина УСПЕНСКАЯ** (директор по уюту)

**РЕДАКЦИЯ НОВОЙ
ГАЗЕТЫ В СПБ**

Учредитель и издатель: **ООО «МЕДИА.С-ПБ»**
СПб., 11-я линия, 66

Д. Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.

ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — **271 200 экз.**

Тираж сертифицирован
NovayaGazeta.Ru — **18 652 988** просмотров
за сентябрь 2014 г.
Тираж одного номера
в СПб — **5730 экз.**

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.
Учредитель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета». Редакция и издатель:
АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© АНО «РИД «Новая газета», 2014 г.
Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией.
Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не рецензируются и не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «ЮРБЕР», СПб, Благодатная ул., 63.
Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19.30, 21.10.2014 г.
Номер подписан: 19.30, 21.10.2014 г. Время подписания номера в печать в СПб: 23.00, 22.10.2014 г. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66. ООО «Медиа.С-Пб».